

A woman's profile is shown in a warm, reddish-orange light. She has large, star-shaped earrings with a striped pattern. Her hand is raised near her face. The background is a sunset sky with a single tree in the distance.

**ОБРЕЧЕННАЯ.
НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ**

ИРИНА ДЕНИСОВА

18+

Ирина Денисова

Обреченная. Наперекор судьбе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64325342

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-98052-5

Аннотация

История о двух девушках из Санкт-Петербурга, выросших в детском доме. Роман о добре и зле, о любви и ненависти, о любовной страсти, жизненной драме и настоящих чувствах. О счастье и горе, о хороших и недобрых людях, о зависти и подлости людей, окружающих героиню.

Книга создана на реальных жизненных событиях. Герои – не картинки с модной обложки, а люди со своими противоречиями, чувствами, надеждами и болью, мечтами и любовью. Переплетение их судеб заставит читателя внимательно следить за сюжетом. Имена персонажей изменены и не имеют ничего общего с реально живущими людьми. Многие события вымышлены.

Содержание

Глава 1. Детский дом	4
Глава 2. Мечты	9
Глава 3. Зависть	13
Глава 4. Побег	17
Глава 5. Лето	23
Глава 6. Город	30
Глава 7. Конкурс красоты	38
Глава 8. Кража	44
Глава 9. Драка	51
Глава 10. Знакомство с друзьями	57
Глава 11. Сад Сен-Жермен	62
Глава 12. Летний сад	69
Глава 13. Знакомство с мамой	77
Глава 14. Расставание с Леной	86
Глава 15. Фабрика	93
Глава 16. Случайная встреча	97
Глава 17. Тайные свидания	100
Глава 18. День рождения	105
Глава 19. Белые ночи	116
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Ирина Денисова

Обреченная.

Наперекор судьбе

Глава 1. Детский дом

Обстановку детского дома номер тридцать три города Ленинграда никак нельзя было назвать роскошной, комфортной или даже приличной.

В комнате младших воспитанниц стояли восемь коек, на которых спали восемь девочек, обиженных судьбой.

Судьба у каждой из них была непростой, но одинаково бездомной.

У кого-то из брошенных девочек родители были алкоголиками, у кого-то – наркоманами, других просто лишили материнских прав. От Лены с Мариной отказались родственники – так им сказали, не посвящая в подробности.

И самая заветная мечта девочек – что скоро они вырастут, уйдут из ненавистного детского дома, и начнут свою – новую, самостоятельную жизнь.

Стоявшие в два ряда металлические кровати были накрыты серыми от старости матрасами и такими же серыми от бесконечных стирок простынями. Проволочные сетки дав-

но прохудились, а по бокам вылинявших матрасов вылезали грыжи желтого, страшного ватина.

На металлических спинках старых железных кроватей висели вафельные полотенчики, прикрывая тряпочками блеклого цвета облупившуюся краску.

Бедную обстановку обшарпанной квадратной комнаты с низким мрачным потолком украшали висевшие на потолке лампочки в черных патронах. Люстры не было вовсе, не было и другой мебели, кроме деревянных тумбочек, почти рассохшихся от старости.

На одной из тумбочек сидела кукла Лиза, задумчиво смотревшая на девчонок своими васильковыми глазами из-под пушистых кукольных ресниц.

Казалось, что шикарная кукла совсем не вписывается в бедную обстановку и представляет собой единственное светлое пятно в мрачной комнате, больше похожей на тюремную камеру, чем на уютную обитель маленьких деток.

Лизины кудряшки кокетливо выбивались из-под связанной Мариной ажурной шапочки, клетчатое платье накрывал кружевной школьный передник, а на ногах красовались резиновые туфельки на высоком каблучке. Лиза была подарена Марине добросердечными опекунами.

Девочки часто пытались предугадать свое будущее – ведь у каждого человека должна быть мечта. Без мечты зачем жить, к чему стремиться? Что человек без мечты? Букашка, тихо живущая и хлеб жующая ...

Частенько после отбоя, разглядывая серые казенные стены в их холодном, неуютном общем доме, девочки тихонько перешептывались и делились друг с другом своими фантазиями.

– Я бы хотела родить ребенка и быть хорошей мамой, – говорила Марина.

Дальше этого желания ее девичьи мечты никогда не заходили.

Подруга Ленка мечтала не меньше, чем быть звездой, prima-балериной, и чтобы все мужчины сходили от нее с ума.

Впрочем, они хорошо понимали, что окружающим совершенно наплевать на то, чего они хотят, и о чем мечтают. Их кормили одинаковой безвкусной едой, одевали и обували в одинаковую казенную одежду, заставляли жить по навсегда заведенному порядку и соблюдать изо дня в день один и тот же, никогда не меняющийся, режим сна и отдыха.

Марине часто хотелось выть от Ленкиной активности. Лена постоянно тормозила и заводила ее. Она никогда не сидела на месте.

– Разве можно быть таким безумным комком энергии?! – спрашивала ее Марина.

– Из тебя жизненная энергия так и прет, ты всегда в каком-то движении. Все будут бояться тебя и разбежаться в разные стороны, а все женихи попрячутся по углам от твоей бешеной активности.

Ленка возражала:

– В жизни всего нужно добиваться – хитростью, наглостью, чем придется. Главное – не сидеть на месте, брать всё, что можно, и чего нельзя.

Детдомовские привычки – это оставшиеся на всю жизнь чувство голода, страх и недоверие к миру. Девочкам еще повезло – они попали в хороший детский дом, здесь их никогда не били. Иногда к ним переводили сирот из других детских домов, и те рассказывали жуткие вещи – о педофилах-воспитателях, о пьющих санитарках, о врачах, калечащих детей, и об усыновителях, скупающих детей на органы.

А иногда в детский дом попадали домашние дети, которых забирали из семьи от нерадивых родителей. Этим было тяжелее всего – они плакали по ночам и страдали о прежней жизни.

Ощетинившиеся колючками детдомовцы не хотели принимать домашних в свою стаю. Изнеженным и избалованным домашними пирожками подкидышам было не место среди закаленных жизнью и жестоким воспитанием, выросших в этих стенах, настоящих детдомовцев.

Развитое стадное чувство заставляло каждого уважать коллектив и его вожаков. Здесь суровые законы – почти как в миниатюрной тюрьме для малолетних заключенных. Как себя покажешь – так к тебе и будут относиться. Прогнешься под толпу – будут тобой помыкать, а дашь отпор – начнут уважать. Никого не касается, мальчик ты или девочка, у тебя всего два пути – или альфа-самец, или изгой.

Марине с Леной было гораздо легче – другой жизни они никогда и не знали, а со своими сверстниками росли с самого детства.

Глава 2. Мечты

Сегодня девочки прыгали на своих кроватях, сдвинув их вместе, и держась за руки. Панцирная сетка ритмично покачивалась, звякая металлом по железным ободкам.

Остальные девочки уже лежали по своим кроватям, ожидая вечернего обхода, и не разделяли веселья подружек. Стрелки часов приближались к десяти, за день все набегались и устали, глазки слипались, а маленькие головки клонились ко сну.

Кукла Лиза тоже укоризненно смотрела на девочек, казалось, что она, как и все, осуждает некстати развеселившихся подруг-полуночниц.

Марина внезапно устала, ей сильно не понравились Ленкины слова о том, что всего нужно добиваться хитростью или наглостью.

– Я никогда не буду ни хитрой, ни наглой. – Твердо сказала Марина.

– Марина, вот что ты на меня обозлилась? Сама же знаешь, таковы детдомовские законы: или ты – или тебя, – обиженно ответила Лена, перестав прыгать и укоризненно взглянув на подружку.

– Мне не нравятся такие законы, я по ним жить не собираюсь. Хватит прыгать, давай спать ложиться.

Марина отодвинула свою кровать, издавшую визгливый и

недовольный звук, и собралась поуютнее устроиться под жиденьким клетчатым казенным одеялом.

Но Ленка смеялась, не собираясь так скоро униматься. Она подскочила к ее кровати и сдернула с Марины серый пододеяльник:

– Вот и сиди, дуручка, под одеялом. Жди, что к тебе принц придет пододеяльный!

В комнату вошла воспитательница Галина Васильевна:

– А ну-ка, спать быстро! Вы что тут развеселились, одни, что ли, живете? Сами не спят, и другим не дают!

Она выключила свет, а девочки остались в полной темноте. Ленка все не унималась, тормоша Марину и дергая ее одеяло. Спорить с Ленкой было совершенно невозможно, сон у Марины пропал окончательно. Она улыбнулась, и Ленка тут же перелезла к ней на кровать.

В темноте мрачной комнаты девочки еще долго строили планы на будущее и предвкушали большое жизненное счастье, которое непременно им улыбнется. Нужно только немного подождать. Ведь совсем недалек тот день, когда они покинут стены своего печального казенного дома.

Марина, начитавшись любовных романов, мечтала о судьбе Ассоль – о единственном в мире принце, который найдет ее, и будет любить вечно.

– Вот и сиди за печкой, жди своего капитана, – смеялась над ней Ленка, – в жизни всё достается только тем, кто сам кует свое счастье! Бог любит тех, кто выпрыгивает ему на-

встречу!

Иногда они мечтали встретить своих настоящих родителей, посмотреть на них, и, глядя прямо в глаза, спросить, почему те от них отказались.

Марина часто думала о том, что с ней что-то не так, раз родители бросили ее, и она оказалась никому не нужной. Наверное, она плохо себя вела, может быть, часто плакала в детстве. А быть может, им просто надоело качать колыбель с плачущим младенцем, кормить ее и одевать, и они отказались от нее, как от ненужной вещи, сдав в детский дом и забыв навсегда о ее существовании. Неужели мама никогда не вспоминает о своей брошенной дочери?

Закрывая глаза, она представляла деревянную колыбель и склонившуюся над ней стройную фигурку мамы. Мама приятным мелодичным голосом пела ей песенку «Спят усталые игрушки, книжки спят». Марине очень хотелось бы узнать, как зовут ее маму, она даже мысленно перечисляла все женские имена, и гадала, какое же подходит к ее мамочке?

Но все, что она знала о своей маме, – что она добрая, ласковая и красивая. Разве она виновата, что так сложилась у нее жизнь?

Если у Марины родится ребенок, она никогда от него не откажется, будь он даже самым исчадием ада.

Вдвоем с Леной они часто представляли встречу со своими настоящими родителями. Они обязательно найдут друг друга, даже если для этого понадобится обойти весь мир.

Они обойдут весь мир, найдут своих настоящих родителей, а потом будут жить в большой, настоящей, любящей семье, где все вместе пьют чай по вечерам и обсуждают дневные новости. Все заботятся друг о друге и ведут долгие душевные беседы.

Ну, или, на худой конец, если родители не объявятся, их усыновит какая-нибудь бездетная пара, такие случаи иногда бывали.

Утром на работу в детский дом приходили сотрудники – педагоги, воспитатели, медсестры и нянечки. Стоя у решетчатых ворот детского дома, девочки в каждом из них видели отца, маму или бабушку.

Галину Васильевну они называли «мамой» – она больше других о них заботилась, приносила из дома гостинцы, рассказывала по вечерам интересные истории.

Да и другие взрослые, как могли, старались заботиться о сиротах. Им было совсем не все равно, как сложится судьба детдомовских детишек. Учителя старались научить их многому – готовить, стирать, убирать, делать ремонт. Девочки умели петь, танцевать, декламировать Мандельштама, Пушкина и Блока, мальчики – держать в руках отвертку и стамеску.

Но разве что-нибудь в этом мире может заменить детям настоящую семью?

Глава 3. Зависть

На следующий день по детскому дому разнеслись хорошие вести. Одну девочку из их комнаты удочерят приемные родители.

Марина с Леной обрадовались – значит, их мечты тоже стали гораздо ближе, скоро и на их улице наступит праздник.

И ведь Олечка была совсем неприметной, тоненькой тростиночкой, с вечным насморком и кашлем. Бесцветные глаза трудно было разглядеть на некрасивом, худеньком и остроносом личике. Что называется, бледная тень, «без слез не взглянешь», никто из девочек не обращал на нее никакого внимания.

Этим летом Олечке пришлось вызывать врача, врач диагностировал что-то серьезное с желудком, и Олю положили в областную больницу.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло», – не зря так говорят в народе.

Оказалось, что в соседней палате лежит мальчик, и к нему каждый день приходит мама. Та женщина, увидев Олю в первый раз, сразу поняла, что встретила родную душу.

Может быть, она мечтала о девочке, а может быть, просто пожалела Олечку и посочувствовала сироте, но начала ее потихоньку подкармливать, подолгу сидеть возле ее постели, рассказывать ей сказки на ночь. А когда Олю выписали,

раз в неделю приезжала в детский дом. Красивая, полная, улыбочивая женщина всем нравилась, от нее пахло домашним уютом, семейным счастьем, и пирожками с клубничным вареньем.

Оля вся светилась от счастья, а ее потускневшие от болезни глаза заблестели и засияли, обнаружив свой природный цвет, неожиданно для всех оказавшийся изумрудно-зеленым.

– Меня скоро заберут! – похвасталась Оля подругам, когда вечером все собрались в их большой комнате.

Девочки завидовали – ведь каждая из них мечтала о такой доброй маме. Олина соседка Наташа подошла к Лене и начала с ней шептаться в углу комнаты.

– Ленка, вот скажи, почему именно ей, этой неприметной бледной поганке, так несказанно повезло?

– Я думаю, нужно спустить Олечку с небес на землю, – сказала Лена. – Мы, как настоящие подруги, должны сказать ей правду.

Лена подошла к Оле и громко, чтобы все слышали, сказала:

– Оля, вот что ты хвастаешься? Кто тебя заберет? Они знают, что забирать нужно вас двоих? На что ты надеешься?

По новому закону детей, брата и сестру, нельзя было разлучать, а Олин брат Миша был совершенно больным инвалидом, без всякой надежды на выздоровление. Это обстоятельство сильно смущало всех потенциальных усыновителей.

Два года назад уже была бездетная пара, обещавшая забрать Олю, но, когда они узнали о Мишином диагнозе, стали постепенно испаряться – навещали ее все реже и реже.

Оля тогда тяжело переживала предательство – она уже успела привыкнуть к ним, и именно после того случая начала постоянно болеть. Никто ее тогда не жалел. Все знали, что, раз уж так случилось, – значит, такая судьба у нее, у горемычной сироты. Против судьбы не попрешь. У каждого своя судьба.

Ленкины злые слова отозвались в Оле невыносимой болью. В уголках ее глаз показались слезы, она подозрительно зашмыгала носом.

– Ладно, ладно, успокойся. Мы же тебе добра желаем, – тут же пошла на попятный Лена.

Детдомовские дети злые, они не привыкли прятать настоящие вещи за ворохом ненужных слов.

Но девочкам не понравилось, что Оле опять повезло. И «брат в комплекте» несколько не смущает будущих родителей. Почему именно ее теперь заберут в семью, будут любить, баловать, кормить пирожками и всякими вкусностями?

А ими, такими здоровенькими, крепенькими, красивыми, – совершенно никто не интересуется?

Разве они бракованные, разве они виноваты, что попали в систему? Вопрос «почему?», казалось, навсегда застыл в печальных детских глазах тех, кого усыновители обходили

стороной.

Сейчас девочкам стало казаться, что детдом – это кошмар, который никогда не закончится.

Глава 4. Побег

Однажды, пару лет назад, Лена с Мариной даже попытались сбежать из детского дома. Собрали в тряпичные сумочки съестные припасы – бутерброды с сыром, оставшиеся от завтрака, вчерашние сосиски с черным хлебом, одну на двоих бутылку воды.

Девочки незаметно вышли через служебный вход и пролезли через металлические прутья задней калитки.

Марина взяла с собой свою маленькую подружку куклу Лизу. Сегодня Лиза капризничала и совсем не горела желанием покидать теплую комнату, а потом таскаться в серой тряпичной котомке за плечами у своей маленькой хозяйки. Когда Марина запихивала куклу в сумку, ей показалось, что Лиза скорчила недовольную гримасу.

За корпусами детского дома начинался густой лес с нехоженными тропинками и манящей неизвестностью, а у девочек не было никакого заранее составленного плана.

Красное кирпичное здание детского дома и огораживающий его забор с металлическими прутьями быстро остались за поворотом. Впереди виднелся лишь бескрайний лес из обычных сосенок и березок. Деревья шумели, касаясь верхушками друг друга, а иногда слышался треск. Марине стало страшно.

– Куда мы идем? – спросила она свою боевую подругу.

– Пойдем в большой город, нам уже по тринадцать лет, мы можем найти себе работу. На худой конец, встанем у метро, и будем попрошайничать, – ответила Лена.

Она мечтательно добавила:

– А вдруг, нам встретятся наши настоящие родители, и узнают нас?

Где был большой город – они не знали, не знали, и где искать своих настоящих родителей. Наверняка, родители сильно скучают по Марине и Лене, расстраиваются, что не могут найти своих потерявшихся деток. Может быть, нужно просто пойти им навстречу, и тогда сама судьба приведет их друг к другу.

Долго-долго брели они по дорожке, усыпанной гравием, потом по узеньким лесным тропинкам, наконец, устали, и решили остановиться перекусить и передохнуть.

Вдруг, откуда ни возьмись, как смерч в облаке пыли, появилась маленькая собачонка. Лохматый комок белой шерсти с визгом и лаем набросился на девочек, пытаясь отыскать жертву и тяпнуть ее за ногу. Марина от испуга вздрогнула и отскочила, а собачонка, мигом поняв, что ее боятся, кинулась к ней и вцепилась своими острыми маленькими клыками в ногу.

Если бы кто-нибудь впоследствии спросил Марину, как она оказалась на ветках толстого раскидистого дерева, растущего на поляне, она ни за что бы не ответила на этот простой вопрос.

От страха она бросила котомку с Лизой и едой и вскарабкалась почти на самый верх, и только тут, переведя дыхание, осознала, что до земли уже очень, очень далеко.

Постаравшись устроиться поудобнее, чтобы не свалиться, отдышавшись и оглядевшись по сторонам, Марина увидела вдали двух медленно бредущих коров, погоняемых старухой с длинным кнутом в руке. Старуха как будто бы вышла из старой книжки со страшными сказками – длинная шинель, одетая на потрепанную черную юбку, поблескивала блестящими солдатскими пуговицами, на голове был повязан большой платок с бахромой и крупными яркими цветами. Явно большие и сваливающиеся с бабкиных ног кирзовые сапоги громко хлюпали по лужам.

Ленка, увидев собачонку, а потом и старуху, даже не шелохнулась, как стояла, так и осталась стоять. Она никого и ничего не боялась. Собачонка, поняв, что трусливую Марину ей уже не достать, обнюхала Лену со всех сторон и миролюбиво села рядом с ней в ожидании, что будущая жертва, наконец, слезет с дерева.

Марина, может быть, и слезла бы, если б могла, – но спуститься оказалось гораздо труднее, чем подняться. Она обхватила ногами толстый сук, от которого было метра три до земли. Сук опасно прогнулся, слышался еле различимый треск, подсказывающий, что сук ненадежный, и скоро рухнет. А ведь внизу были еще и коровы, которых Марина боялась не меньше, чем собаку.

Бабка с кнутом сурово прикрикнула на собачонку:

– Опять ты людей пугаешь, шалава? А ну, хватит тявкать!

Чисто зверюга!

Собака стыдливо опустила голову, изображая всем своим видом, что вовсе она не зверюга, а милая и ласковая пушистая собачонка.

– А вы, девоньки, откуда? – спросила старуха, обращаясь к Лене.

– Да мы так, по лесу гуляем, погода хорошая, вот и решили пройтись, грибов пособирать, ягод, – тут же начала сочинять Ленка на голубом глазу.

– Да ладно врать-то, – быстро прервала поток ее слов бабуля, – сбежать, что ли, собрались? Так ведь кругом лес, дремучий, город совсем в другой стороне. Да и что вы там, в городе, делать будете, если даже туда доберетесь?

– Работать пойдем. – Твердо и уверенно сказала Ленка.

– Работать?! Да там, в городе, таких работяг без вас хватает. Заберут вас в банду, отрежут руки-ноги, и заставят в метро попрошайничать. И кому вы без рук, без ног нужны-то будете?

Лена с Мариной молчали – нарисованная бабулей перспектива их не порадовала. Старуха обратилась к Марине:

– Слезай-ка, давай, с дерева, девчушка, я пока собачонку свою подержу. Вот подрастете немного – тогда вас и так отпустят, не больно-то нашему государству нахлебники нужны. Никто вас насильно кормить не станет.

– Маринка, слезай, – крикнула Лена, – может, и правда, зря мы сбегать собрались. Что-то я замерзла уже. Все-таки нас кормят, поят, мебель хоть и старая, матрасы серые, зато в комнате тепло. И руки-ноги никто не отрежет.

Марине пришлось прыгать с высокого дерева. Она ободрала руки, колени, и, прихрамывая, поплелась за Леной к родному и теплому детскому дому, опасливо поглядывая на коров и насмешливо глядящую на нее собачонку. Старуха долго еще стояла и смотрела им вслед.

Лена, как могла, пыталась утешить свою пострадавшую боевую подругу:

– Да ладно, не расстраивайся, ссадины быстро заживут. Подождем еще немножко – вдруг, заберет нас кто-нибудь сердобольный? Попадем в хорошую семью!

Подружки узнали об их побеге, и Лена с Мариной стали знаменитостями – все завидовали их смелости, однако, повторить их подвиг не осмеливались.

Теперь по ночам они обсуждали свое приключение.

– Марина, а правда, старуха очень сильно на колдунью похожа? – затаив дыхание, спрашивала Ленка. – Появилась как из-под земли, коровы эти.... Откуда здесь коровы, и деревень-то нет поблизости?

– Да уж! Что колдунья, так колдунья, – подтвердила Марина. – Я так перепугалась этой собачонки, такая маленькая, и такая злобная! Мне казалось, она накинется и разорвет меня на куски.

– Жутко страшная. Брр! – Поежилась она, вспоминая пережитый ужас.

– Бабка – ведьма, это точно, – сошлись они в едином мнении, – хорошо, что мы вернулись, а то неизвестно, кто там еще живет в лесу дремучем!

Глава 5. Лето

Постепенно девочки подрастали и начинали понимать, что в семью их никто и никогда уже не заберет. Им исполнилось пятнадцать лет, а такие коровы никому не нужны. Усыновителям нужны маленькие красивые детки дошкольного возраста, с хорошенькими белокурыми головками и голубенькими глазками, без тяжелой наследственности, милые и послушные.

Летом детдомовцев отправили в пионерский лагерь, в отряды вместе с домашними детьми. В лагере неожиданно кардинально поменялись роли – детдомовские дети стали изгоями, а хозяевами положения оказались семейные дети, всегда гдатеи лагеря, приезжающие сюда каждый год.

Домашние дети сторонились детдомовцев и опасливо на них поглядывали. Некоторые нарочито не обращали на них внимания.

Сироты старались держаться вместе, они были похожи на стайку волчат, всегда готовых огрызнуться, приготовиться к защите, а при малейшей опасности напасть первыми.

Ленке лагерь не понравился. Она не любила придерживаться строгого распорядка, ей не нравилось делать обязательную зарядку, строем ходить в столовую, и заправлять по утрам свою кровать.

– Мариночка, заправь мою кроватку, мне нужно срочно

сбегать к воспитательнице, – говорила она утром, и Марина, вздыхая, заправляла обе кровати, расправляя одеяльца и взбивая подушки красивыми треугольничками.

– Лена, ты каждый раз придумываешь какую-нибудь хитрость и обманываешь меня, – обиженно выговаривала она подруге, но та только отмахивалась.

А на следующее утро все повторялось сначала.

Марине в лагере было плохо, здесь негде было даже уединиться. То подъем, то линейка, то зарядка, то обед – весь день заполнен до отказа. Совсем не оставалось времени, чтобы почитать, погулять в одиночестве, или даже просто подумать.

В субботу наступил долго ожидаемый всеми родительский день, когда к домашним детям приезжали родители и забирали своих чад на несколько часов.

По раз и навсегда заведенному порядку каждую субботу выделялось время для семейного общения и прогулок за пределами огороженной деревянным штакетником лагерной территории.

Сироты из-за зеленого забора с нескрываемой завистью и ненавистью смотрели на счастливых родителей и детей, устраивающих веселые пикники на залитой солнцем лесной полянке. Никто из домашних детей даже не пришел на обед в столовую.

Только вечером, после ужина, вернулись три девочки из их отряда. Эти противные и избалованные домашние от-

прыски так противно начали шуршать конфетными обертками и открывать бутылки с лимонадом, издававшие отвратительный шипящий звук, что девочкам стало тошно.

Детдомовцы ни разу в своей жизни еще не пробовали вареную сгущенку, конфеты «Мишка на севере», торт «Птичье молоко», сырокопченую колбасу и другие лакомства, с удовольствием поглощаемые ненавистными домашними детьми.

Лена с Мариной глотали слюнки и ждали, когда же, наконец, выключат свет, и настанет долгожданная тишина.

– Скорее бы закончился этот лагерь! – тихо перешептывались они между собой.

Но, наконец, настал праздник и на их улице. За ужином воспитательница объявила:

– Завтра утром мы едем на речку! Всем взять с собой полотенца и купальники!

Радости детдомовцев не было предела. Воспитанники детского дома хорошо умели плавать – раз в неделю их возили заниматься в бассейн при спортивном комплексе. Вот уже покажут они этим домашним неженкам, как нужно нырять и плавать! Пускай теперь они обзавидуются.

Утром они собрали купальники, взяли казенные вафельные полотенца, и вприпрыжку побежали к автобусу, ожидавшему их во дворе.

На улице стояла теплая июльская погода, день был великолепным, ясным и солнечным, предвещавшим интересные

игры на свежем воздухе и купание в теплой, прогретой на солнце, воде.

Для мальчиков Илья Николаевич, учитель физкультуры, взял спортивный мяч.

– Свобода! – закричали девочки, выбегая из автобуса на зеленую полянку, окаймленную с двух сторон голубой лентой прозрачной воды.

Они прыгали и не скрывали своей радости.

– Сначала поиграем в волейбол, – предложил учитель, и позвал желающих на площадку с натянутой сеткой.

Лена с Мариной волейбол не любили, они подошли к учителю и попросили:

– Можно, мы пойдем купаться?

– А вы не можете подождать, пока игра закончится, и все пойдут купаться? – спросил Илья Николаевич.

– Да мы очень хорошо плаваем, мы возле берега будем плавать, здесь мелко, – Лена посмотрела на него своими прекрасными глазами, хлопая пушистыми ресницами, и учитель сдался.

– Хорошо, – сказал он. – Только смотрите, на глубину не заплывайте.

Девочки с разбегу прыгнули в воду, поднимая прозрачные брызги. Поплескавшись у берега и убедившись, что все остальные заняты игрой, они решились выплыть на середину реки. Пусть домашние увидят, как они красиво плавают, и позавидуют, родители их такому не научат.

Ленка делала в воде пируэты, любуясь своим прекрасным телом в белоснежном купальнике.

Собравшись подшутить над Мариной, она нырнула и дернула ее за ногу. От неожиданности Марина глотнула воды и тут же ушла под воду.

Ленка наслаждалась своим невинным розыгрышем.

– Не притворяйся, трусиха, – смеялась она. – Я знаю, что ты хорошо плаваешь! Ты вечно ноешь, и всего боишься! Трусиха!

Марина вдруг почувствовала, как холодное течение подхватило ее, тяжелым камнем утаскивая на дно. Она пыталась вынырнуть, но внезапно с ужасом ощутила, как свело левую ногу.

Все происходило моментально и как в дурном сне. Буквально за несколько секунд Марина поняла, что уже не может дышать. Она из последних сил старалась удержать остатки воздуха в легких. Ее все дальше затягивало вглубь, она старалась махнуть рукой, но руки не поднимались над водой и двигались хаотично, сами по себе. Все силы уходили только на то, чтобы держаться вертикально, не потеряв равновесия.

Чтобы позвать на помощь, нужно было преодолеть коварную толщу воды, которая не хотела ее отпускать.

Лена внезапно поняла, что что-то происходит, не может Марина просто плескаться, бултыхаться и баловаться, над водой совсем не было видно ее рук. Но ведь не прошло еще

даже нескольких минут.

Лена с радостью бы бросилась на помощь, но все ее тело вдруг онемело. Ее сковал липкий, омерзительный и неожиданный страх. Страх заставил ее замереть неподвижно и не предпринимать никаких действий.

Она хотела было подплыть ближе, но в голове проскочила предательская мысль:

– А вдруг, и меня утянет на дно?

Лена впала в ступор, не понимая, что нужно делать.

– Эй, не притворяйся, – еще раз, уже не так весело, крикнула она Марине.

Круги по воде расходились, там, под водой, Марина поняла, что уже не сможет вынырнуть.

В голове у нее проносились картинки из небогатого детдомовского прошлого и дурацкие мысли о том, как мало удалось пожить.

Лена растерялась, она постаралась сбросить оцепенение и страх и начала кричать, надеясь, что услышит кто-нибудь на берегу.

– Помогите! Помогите!

Голос как будто бы принадлежал не ей, был чужим, звучал хрипло и слабо.

Игра в волейбол была в самом разгаре, и Лену никто не услышал.

– Марина, держись! – крикнула Лена и поплыла к берегу. Запыхавшись, она подбежала к учителю.

Прямо в одежде физрук прыгнул в воду и нырнул, за ним прыгнули еще двое ребят.

Марину достали из воды, когда она уже не дышала. Илья Николаевич делал девочке искусственное дыхание, дети собрались кружком возле лежавшей на песке Марины. Ленка бегала вокруг нее и жалобно просила:

– Марина, не умирай. Не умирай, пожалуйста. Что я без тебя буду делать?

Все стояли вокруг и боялись даже дышать.

– Наверное, все, не спасут уже, – сказал один из мальчиков, глубоко вздохнув.

Лена злобно на него посмотрела и разрыдалась.

Надежды не оставалось.

Но физрук все же не сдавался, борясь из последних сил за Маринкину жизнь.

И, наконец, произошло чудо – Марина шевельнулась. В толпе пронесся протяжный вдох, выражающий вновь возродившуюся надежду.

Илья Николаевич перевернул Марину на бок, и ее вырвало грязной речной водой. Наконец, она, вся синяя, сделала первый вдох, и тут же закашлялась.

– В рубашке девочка родилась, – сказала воспитательница.

Марина стала героем дня, весь лагерь обсуждал только подвиг Ильи Николаевича и чудесное Маринкино спасение.

Глава 6. Город

Вечером в лагерь приехала Галина Васильевна. Она была в летнем отпуске, но, узнав о происшествии, тут же примчалась и пошла к начальнику лагеря.

– Как такое могло произойти? – гневно спросила она, глядя ему прямо в глаза. – Государство доверило вам детей из детского дома, а девочки чуть не утонули. Так вы за ними смотрите?

Начальник лагеря хоть и уважал Галину Васильевну, но оправдываться не собирался.

– Лучше научите своих детей правилам поведения в лагере, – сказал он. – Ваши девочки почти самовольно пошли купаться, когда остальные дети под руководством педагога играли в волейбол.

– Вот именно – почти. Я думаю, что они спросили разрешения. В любом случае, ответственность за несовершеннолетних лежит на педагогах, – сказала Галина Васильевна.

Глубоко вздохнув, с печалью в голосе она добавила:

– Если бы я была здесь, такого бы никогда не случилось.

Выйдя из кабинета начальника лагеря, она пошла в отряд к девочкам.

Марину Галина Васильевна всегда любила больше всех, стараясь не показывать свои чувства, чтобы не ранить других детей. И сильно переживала за любимую воспитанницу.

Она долго обнимала Марину и прижимала ее к себе, а потом предложила:

– Поедем ко мне домой, я попробую договориться с начальником лагеря.

– Конечно! – радостно воскликнула Марина. – Мы в Ленинград поедем? Правда?! Уедем из лагеря?

– Ненадолго, – улыбнулась воспитательница, – всего лишь на один день.

– Один день! Это же очень много! – радостно воскликнула Марина.

Ее радости не было предела.

Начальник лагеря даже позволил им доехать до города на лагерном автобусе. Он все же чувствовал вину за досадное происшествие, чуть было не обернувшееся печальной трагедией, но не признавался в этом.

Автобус с разговорчивым водителем быстро доставил их до Питера, а дальше им нужно было добираться на метро.

– Так вот, какой он огромный, город! – удивлялась Марина.

В первый раз в своей жизни она оказалась на улицах легендарного города, о котором раньше только читала в книгах.

Женщины были одеты в диковинные разноцветные летние наряды, а многие мужчины в строгих костюмах и при галстуках.

Приключение в метро началось с эскалатора – странного

и непонятного сооружения, на которое Марина боялась ступить.

Видя, что Марина смущается, Галина Васильевна сказала:

– Это эскалатор. Сейчас мы поедem вниз. Просто повтори все за мной и старайся не замешкаться.

– Эс-ка-ла-тор... Какое красивое название! – Марина была в восторге, она никогда раньше не слышала такого интересного слова.

– А это иностранное слово? – спросила она.

Ее удивило, что двигались не только ступеньки, но и поручни, ей почему-то казалось, что они движутся гораздо быстрее ступенек.

Ее оттолкнули спускающиеся сверху пассажиры, заставив посторониться и встать в линейчку с другими.

– Зачем они идут, если можно ехать? – удивленно спросила она у Галины Васильевны.

– Сильно торопятся, – объяснила она, – мы попали в час пик.

– А что такое час пик? – спросила Марина.

– Это время, когда все едут на работу или с работы, и в метро особенно много людей, – объяснила воспитательница.

– А почему пик? – спросила Марина.

– Ты меня с ума сведешь, – вздохнула Галина Васильевна.

Сойдя вслед за воспитательницей с трясущегося эскалатора на твердую почву мраморного пола, Марина разглядела станцию, открыв рот от изумления.

– Мы под землей? А это не страшно? А откуда здесь воздух? А если на нас земля сверху упадет? – задавала она все новые вопросы, большинство из которых оставалось без ответа.

В метро царили шум и суета, не предполагающие задушевных бесед в толпе спешащих пассажиров.

К платформе подъехал странный поезд, без паровоза, в маленькой кабинке стоял только один машинист.

– А где паровоз? – спросила Марина. – Как он ездит без паровоза?

– Отойди от края, – дернула ее за руку Галина Васильевна. – Ты слишком много задаешь вопросов, я не успеваю отвечать.

Марина разглядывала пассажиров – казалось, что все они просто родились тут, в метро, и даже умеют удерживать равновесие, когда поезд останавливается или трогается с места. Они как-то научились не падать и даже умудрялись стоять на ногах и читать при этом книги в ярких обложках.

Ей все было интересно – почему одни мужчины в кепках, а другие в шляпах, почему женщины одеты так вычурно и модно, с красивыми шляпками на голове.

В детдоме воспитатели так чудно не одеваются.

– Марина, выходим! – сказала Галина Васильевна, взяв за руку зазевавшуюся Марину, стоявшую с открытым ртом, и они подошли к открывающимся дверям вагона.

Они вышли на улицу, и сразу же пошли быстрым шагом.

Жила воспитательница в серой, ничем не примечательной, пятиэтажке, совсем недалеко от станции метро.

По ступенькам они поднялись на третий этаж, Галина Васильевна позвонила в звонок, и дверь им открыл высокий широкоплечий мужчина в спортивном костюме с надписью «Адидас».

– А вот и наши гости, добрый день! – ласковым и теплым голосом поприветствовал он жену и девочку, и помог Марине раздеться.

В коридор выбежали две одинаковые светловолосые девочки и бросились на шею к Галине Васильевне. Марину остро кольнуло чувство зависти – она себе таких вольностей не позволяла.

Получше присмотревшись, она поняла, что старшей навскидку лет десять, а вторая младше всего лишь на пару лет.

– Марина, знакомься, – это мои дочери, Таня и Света, – сказала Галина Васильевна, – сейчас они покажут тебе, где помыть руки, и мы все сядем за стол.

Девочки показали ей ванную и комнаты, которых оказалось целых три.

Марина с любопытством разглядывала обстановку. В квартире царили порядок и чистота. В гостиной повсюду стояли цветы в красивых разноцветных горшках, у окна красовался настоящий телевизор с большим экраном, а в глубине комнаты – диван и два кресла.

Детская комната у девочек была одна на двоих, и две оди-

наковые кровати стояли у противоположных стен. У Тани и Светы были отдельные столики, у одной с игрушками, а у другой – с книжками. На столиках стояли одинаковые настольные лампы с цветными абажурами.

Как же красиво! И непохоже на их детдомовскую комнатушку, где они живут, как селетки в бочке.

– Девочки, проходите на кухню, – позвала воспитательница.

На уютной и чистенькой кухне висели милые розовые занавески, а на столе стояла большая тарелка с любимой Мариной жареной картошкой. Было еще несколько тарелочек с нарезанными овощами, колбасой, и даже грибами. А в центре стола красовался огромный торт.

– Семья, мы сегодня празднуем день, когда Марина заново родилась на свет, – сказала Галина Васильевна, и добавила:

– Дай Бог, Мариночка, чтобы этот несчастный случай был самым ужасным, что произошло с тобой в жизни!

Марину оставили ночевать, девочки уступили ей одну из кроватей, а сами легли вдвоем, «валетом».

Они долго упрашивали Марину рассказать, как она тонула.

– А что ты подумала, когда не могла вынырнуть? – спросила Таня. – Ты поняла, что уже умираешь?

– А как тебе удалось спастись? – спросила Света. – Ты могла еще дышать под водой? Под водой же не дышат!

Марине не очень хотелось вспоминать пережитый ужас, и она тянула свой рассказ как можно дольше, вдавалась в ненужные и совершенно лишние подробности, терпеливо ожидая, что девочки заснут раньше, чем она закончит свою печальную повесть.

К счастью, так и случилось.

– Какие смешные, – подумала Марина. – Им хорошо, они в семье живут, с любящими родителями. Мне бы такую маму!

Утром Галина Васильевна отвезла Марину в лагерь, пообещав иногда забирать на выходные.

В лагере долго обсуждали произошедшее событие, любопытные дети расспрашивали Марину, заставляя ее снова и снова переживать вчерашний кошмар. А еще через несколько дней происшествие на речке забылось и выветрилось у всех из головы.

Да и лагерь закончился, они вернулись в детский дом, переполненные впечатлениями о чудесно проведенном лете. Галина Васильевна теперь приносила Марине пирожки из дома и печенье из кухни. Перед сном гладила ее по голове, а иногда забирала на выходные. Она лучше всех понимала и жалела Марину, и говорила о том, что ее ждет нелегкая судьба, полная испытаний.

Но Марина с тех пор жутко боялась воды. Она сделала самый важный для себя вывод: нельзя плыть против течения и воевать с тем, что сильнее тебя. Кто такой маленький чело-

век, чтобы побороть стихию? Всего лишь букашка, песчинка в огромной Вселенной.

Глава 7. Конкурс красоты

Жизнь и в детском доме, и за его стенами кипела. В стране наступило трудное время, шел далекий 1991 год. Великая страна менялась, в очередной раз сделав крутой поворот в своей истории.

До детей доходили слухи, которых никто не понимал, но все боялись.

Преподаватели рассказывали детям об августовском путче, ставшем предвестником разрушения и распада великого СССР, о врагах самой сильной страны в мире и неудавшейся попытке устранить единственного и последнего президента Союза.

– А что, это правда? Танки были на Красной площади в Москве? – спрашивали дети у взрослых. – Такого же не может быть!

Им очень хотелось увидеть настоящие танки, даже жалко было, что они не в Москве, а в Питере.

Оказалось, что все слухи – правда, а могучий и нерушимый Союз Советских Социалистических республик приказал долго жить. Совершенно неожиданно люди оказались в новой стране с неясным и пугающим будущим.

Все изменилось в одночасье. Люди, всю свою жизнь верившие в прекрасное светлое будущее и коммунизм, который непременно должен обеспечить каждого бесплатной

квартирой от государства, внезапно оказались в новой политической и экономической реальности. Не будет больше ни квартир, полученных на производстве, ни стабильных и вовремя выплачиваемых зарплат.

Педагоги из детского дома волновались, как бы их не сократили, сетовали на беспокойную и полную непредсказуемых катаклизмов жизнь. Благополучные прежде семьи оказались на грани нищеты и не знали, как свести концы с концами. Люди лишились работы, и теперь не знали, что делать и как жить дальше.

Расцветал бандитизм, перед которым власти оказались абсолютно беспомощными.

Но не только политическими новостями полна была жизнь за стенами детского дома. В 1991 году Ленинград переименовали в Санкт-Петербург, вернув городу его историческое название.

Город разрастался, хорошел и увеличивался. В этом же году властями города был проведен первый конкурс «Мисс Санкт-Петербург», дав начало новым традициям. Красота начала цениться.

А в 1993 году представительница северной столицы Анна Байчик стала первой в истории России официальной обладательницей звания «Мисс Россия», и вся общественность города заболела конкурсами красоты.

Конкурс «Мисс Россия» показали по черно-белому телевизору в детском доме, и все заболели конкурсами красоты.

Руководство решило не отставать от веяний моды и идти в ногу со временем. Девочки из детского дома тоже должны уметь правильно говорить и красиво двигаться.

Лена и Марина уже учились в выпускном десятом классе и радовались, что скоро получат путевку в свободную жизнь.

Директор детского дома мечтал поучаствовать в современной жизни города, он гордился тем, что педагоги смогли подготовить своих выпускников к самостоятельной жизни, дали им знания и научили быть самостоятельными.

– Наш педагогический коллектив потрудился на славу. Девочки-выпускницы – наша гордость и надежда. Может быть, именно наши красавицы получают мировую славу и известность, – сказал директор. – А красота наших выпускниц может сыграть ключевую роль.

И на педагогическом совете детского дома было решено провести конкурс на звание королевы красоты детского дома номер тридцать три.

Конечно же, все надежды возлагались на Лену.

Она выросла настоящей красавицей, с великолепной фигурой и копной светлых шикарных волос. Казалось, что невидимый художник не пожалел ярких красок, чтобы воплотить в жизнь идеал девичьей красоты.

Тонкая и правильная линия бровей подчеркивала яркую красоту прозрачных, как будто бы светящихся изнутри, голубых глаз, красиво затененных мягкими и длинными, пушистыми ресницами. Пухлые губы выделялись на мрамор-

ном лице с классически правильными чертами.

Прекрасная Елена как будто сошла с полотна великого иконописца, чтобы радовать людей своей красотой и совершенством. Когда Лена улыбалась, на ее щеках появлялись очаровательные ямочки, заставляя окружающих улыбаться вместе с ней.

Она без всякого труда завоевала главный приз и почетное звание. Победа в конкурсе была заслуженной, никто не смог бы превзойти ее красотой и статью.

Когда на Лену надели ленту с надписью «Королева красоты», она торжествующе посмотрела на зрителей с высоты сцены своим призывным взглядом, а потом улыбнулась своей фирменной чарующей улыбкой. Зал взорвался овациями.

Марину к конкурсу не допустили – она не вышла ни лицом, ни фигурой.

Организаторы не предложили ей даже поучаствовать, а Лена ехидно сказала:

– Ты когда-нибудь видела королеву красоты в очках?

Выдержав паузу, она продолжила ехидничать:

– И я не видела! И никто не видел!

Ленка часами могла торчать перед зеркалом, любуясь собой, и репетируя разные позы. А победив в конкурсе, она возомнила себя настоящей звездой. Она бесконечно наслаждалась своей броской красотой и манящей сексуальностью.

– Я буду настоящей звездой! – говорила она.

Марину она жалела и говорила:

– Как я тебе сочувствую, Мариночка, что тебе ничего в жизни не светит.

Красивым всё достается легче – Ленкино миловидное личико часто вызывало зависть подруг и особенную любовь учителей. Лену никогда не наказывали – все ее проделки казались окружающим всего лишь милыми шалостями.

Надо сказать, Лена честно пыталась объяснить и Марине премудрости ухода за собой и приобретения божественного очарования.

– Ну, что ж ты у меня за дурнушка такая? – сетовала Ленка, крася ей губы яркой помадой.

– Тебе нужно научиться прическу делать, макияж наносить. С таким деревенским лицом тебя точно никто не любит.

Мнение бойкой подружки всегда было для Марины решающим, и она жутко комплексовала по поводу своей внешности. Что и говорить, ей было далеко до идеала красоты. А уж когда в прошлом году от бесконечного чтения упало зрение, и ей выписали очки, то Марина и вовсе стала считать себя страшненькой уродиной.

– Очкарик, в попе шарик, – дразнила ее Лена.

– Не в красоте счастье, – убеждала себя Марина, читая в своих романах о великой любви. – Любят ведь душу, а не внешность.

Да даже будь она самой распрекрасной красавицей на свете, в мире не было ни одного человека, которому была бы

небезразлична ее судьба. Кроме Галины Васильевны и подруги Лены.

– Не переживай, я тебя и такую люблю, – убеждала ее Ленка. – Зато ты у меня умная, много книжек прочла! Может, и тебя кто-нибудь полюбит...

Ни она сама, ни Марина в это не верили.

Глава 8. Кража

Детдомовских детей никто не спрашивает, кем бы они хотели стать, и интересна ли им будущая профессия. Их просто определяют туда, где есть свободное место, и где дают койку в общежитии.

Девочек-выпускниц детского дома направили в профессионально-техническое училище, осваивать профессии ткачих. Жизнь становилась лучше, ведь здесь в общежитской комнате жили уже не восемь человек, а всего четверо.

Марине с Леной повезло – их не разлучили и не отправили по разным учебным заведениям.

Теперь нужно было привыкать к городской жизни, изживать детдомовские привычки драться и материться, и стараться ничем не отличаться от городских сверстников.

На жалкую стипендию особо не разгонишься, девчонки обходились простыми и дешевыми блюдами. Варили супы из пакетов с макаронными звездочками или борщи и рассольники из стеклянных банок. Часто по очереди жарили картошку в обеденный перерыв.

У Лены картошка всегда получалась красивой, ровно прожаренной, а у Марины всё подгорало. Зачитавшись, она частенько забывала про сковородку или кастрюлю с супом на студенческой электрической плитке, а чайник постоянно выкипал раз за разом.

– Ты – настоящий синий чулок, – дразнила ее Лена, – когда ты уже будешь жить в реальности, а не в своих сказках и фантазиях? Хватит мечтать, спустись на грешную землю! Картошку хотя бы почисти, неумеха, а я пожарю! Спасибо скажи, что у тебя такая подруга есть. Все за тебя делать приходится!

В тот злополучный день делившие с ними комнату соседки Зоя и Маша подняли переполох – они только что получили стипендию, и у обеих пропали из сумки деньги.

Лена первая узнала от соседок о том, что произошло. Она страшно возмутилась, развила бешеную активность, и даже пошла по соседним комнатам опрашивать всех студентов. Но никто не признавался в краже, никто ничего не видел и никто ничего не знал.

Лена сыпала ругательствами, изо всех сил стараясь отыскать общаговскую крысу.

– Да пусть руки отсохнут у вора! Пусть будет проклят тот, кто украл у девочек их жалкие гроши!

– В роль вошла, – подумала Марина. – Не зря репетировала.

Девочки изумленно смотрели на Лену – никто не ожидал, что эта красавица, королева красоты, душа коллектива, может произносить подобные ругательства. Наверное, она очень сильно переживает за девочек, у которых пропала несчастная мизерная стипендия.

Проведенное Леной расследование ничего не дало – сту-

дентки клялись и божились, что денег не брали. К тому же, все учащиеся были на занятиях до того самого момента, как обнаружилась пропажа денег.

– Надо директору заявить, – глубоко вздохнув, сказала Лена, и пошла в кабинет к грозному директору училища.

Через час в их комнату пришли члены комиссии по расследованию кражи, назначенной директором.

Члены комиссии собрали девочек из их комнаты вместе и объявили:

– Девочки, в вашей комнате произошел крайне неприятный инцидент.

Все четверо молчали и переглядывались. Учителя строго сказали:

– Лучше признайтесь по-хорошему, кто из вас взял чужие деньги.

Но никто не признавался. Время шло, все молчали, пауза становилась невыносимой. У педагогов от напряжения и злости покраснели лица.

Они укоризненно посмотрели на Марину.

– Мы знаем, что воровать нехорошо, – сказали они.

– Но вас можно понять – ведь вы живете в бедности с самого детства. Украсть – это еще полбеды, а вот для того, чтобы сознаться в своем некрасивом поступке, необходимо немалое мужество.

Девочки напрягали мозг, думая, есть у них мужество, или его нет совсем. Молчание снова затянулось, в воздухе повис-

ло напряжение.

– Ну что ж, раз никто не сознается – будем делать обыск, – решили педагоги.

Всё, что было в ученических сумках девочек, было вытрясено на покрывала. Неожиданно деньги нашлись в сумке у Марины.

Марина вспыхнула румянцем.

– Я не брала! – воскликнула она.

Она неловко пыталась оправдаться.

– Это не я! Я не видела никаких денег!

Румянец предательски расползлся по ее бледному некрасивому личику.

Педагоги были опытными преподавателями, изучавшими психологию по книгам Макаренко.

– Кто не виновен – тот краснеть не будет! Первый признак лгуна – покраснение! – сделали они выводы и тут же вынесли вердикт о виновности Марины.

– Немедленно к директору! – приказали ей педагоги тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

Марина робко постучалась в кабинет, и после полученного разрешения тихо вошла.

Молодящийся директор Иван Михайлович, скрывающий свое огромное пузо под плохо сшитым пиджаком, поправил на носу очки в массивной роговой оправе и вкрадчиво спросил:

– Мариночка, почему ты это сделала?

– Я ничего не делала! – с отчаянием в голосе сказала Марина.

Ее била дрожь от сильного душевного волнения, а слезы предательски начали капать из глаз.

– Сознайся по-хорошему, – у директора в голосе появились металлические нотки, – возможно, тебе удастся избежать наказания. Мы не сообщим в милицию и не исключим тебя из училища.

– Я ничего не делала, – пыталась убедить его Марина, – это не я!

– Не ты – тогда кто?! Ты можешь показать на того, кто это сделал? Вас всего четверо в комнате. Зоя и Маша – неразлучные подруги, делятся всем друг с другом, у них практически общий кошелек на двоих. Остаются ты и Лена. Это Лена сделала?

– Нет, не Лена, – тихо сказала Марина. – Она не могла. Раздался стук в дверь, директор крикнул:

– Войдите!

Лена вошла в кабинет директора и встала у двери. Тот ласково на нее посмотрел, поправив галстук, и спросил, протирая уставшие глаза с красными прожилками:

– Леночка, у тебя есть, что сказать по данному вопросу?

– Иван Михайлович, простите, пожалуйста, Марину. Она больше не будет! – просящим жалобным голосом попросила Лена, подойдя к директору вплотную.

Он почему-то смотрел на Ленкину грудь, а не на глаза.

Ее высокая и красивая грудь производила неизгладимое впечатление на взрослых мужчин.

– Хорошо, Леночка, – погладил он ее по руке, – раз ты так просишь, мы забудем об этом случае. Тем более, что деньги нашлись. Вы сейчас дадите мне клятву, что больше никогда в жизни не возьмете чужого, и мы на этом разойдемся.

– И не надо плакать! – строго сказал он Марине.

Марина старалась унять непрошеные слезы, самовольно льющиеся из глаз.

– Конечно, мы клянемся, Иван Михайлович! – сказала Ленка, и глаза директора заметно потеплели. Жестом он показал им, что они могут идти.

– Лена, ты мне веришь? Я не брала денег! – сказала Марина, как только они вышли из директорского кабинета.

– Успокойся, конечно, верю, – сказала Лена. – Мы обязательно найдем того, кто это сделал!

Но никого не нашли, и после нехорошего инцидента Марина стала изгоем в коллективе учащихся, а Ленкин авторитет в среде студенток вырос в геометрической прогрессии.

– Ты должна быть мне благодарна, – сказала Лена, – я спасла твое будущее. Что бы ты вообще без меня делала, такая некрасивая и безответная?

Теперь на Марину все показывали пальцем и перешептывались за спиной:

– Она воровка!

Не объяснять же было всем и каждому, что никогда Ма-

рина ничего чужого не брала. Просто всем удобно было так думать, потому что она сирота и выросла в казенных стенах.

В детском доме процветало воровство, но оно было скорее вынужденным и безобидным – стащить печенье из тумбочки соседки, взять одежду или книжку без разрешения. Все это было обычным делом, но Марина никогда себе такого не позволяла – она брезговала и чужими вещами, и продуктами.

– Да, во взрослой жизни все иначе, – подумала она.

Вопрос, откуда появились деньги в ее сумочке, не давал ей уснуть несколько ночей.

Глава 9. Драка

Марине нравилась учеба, а еще больше нравилась приятная, согревающая теплом, мысль о скором будущем. Совсем немного осталось до выпуска, и они начнут работать. Наконец-то они с Леной станут самостоятельными, и ни от кого больше не будут зависеть. Они уйдут из общежития и поселятся на квартире. А по вечерам будут пить чай с малиновым вареньем, или ходить в театры. Может быть, даже на оперу сходят.

В народе учащихся швейного профтехучилища прозвали «монашками». Марина все время удивлялась фантазии и чувству юмора тех, кто так окрестил студенток. Ибо чем-чем, а уж монашеским поведением девушки точно не отличались.

По вечерам под окнами общежития раздавались крики – мальчики приходили, вызывали своих подружек на улицу, девчонки быстро красились, надевали короткие юбки, блузки с глубоким декольте, и бежали на свидание.

До позднего вечера ребята дежурили у подъезда и ждали, когда бдительная вахтерша баба Зина устанет, наконец, сидеть за окошком сторожевой будки и пойдет пить вечерний чай. Улучив минуту, шустрые мальчики забирались в комнаты к своим подружкам на спущенных для них и связанных в веревку простынях.

Лену кавалеры, ожидающие под окнами, интересовали мало – она ходила, обивая пороги кинематографических училищ и университетов. Выбор в Питере был велик, вот только детдомовцев неохотно принимали на учебу.

Окружающие считали, что воспитываться в детском доме – значит, с наибольшей вероятностью вырасти преступником, наркоманом или алкоголиком. Длинный серый коридор детского дома символизировал, часто не без оснований, будущий путь выпускников – поиск таких же холодных стен и длинных коридоров, безбедной жизни на всем готовом. Многие из выпускников, не готовые к реальной жизни и к тому, что нужно самим себя обеспечивать, часто просто оставались на улице под забором.

Детский дом – это как клеймо на всю жизнь. Даже здесь, в простом профтехучилище, «монашнике», детдомовские сильно отличались от остальных студентов.

Придя сегодня с занятий, Лена и Марина обнаружили в своей комнате молодых людей – оказалось, что Зоя и Маша нашли себе кавалеров и пригласили их на чай. Все сидели за столом, за которым обычно готовились к занятиям.

Увидев красавицу Лену, кавалеры просто остолбенели и замерли. Казалось, они впали в транс от ее красоты и тут же разучились разговаривать.

Долговязый нескладный юноша, обретя, наконец, дар речи, встал из-за стола, развязной походкой подошел к Лене поближе и вежливо спросил:

– Девушка, можно с Вами познакомиться?

– Нельзя! – грубо ответила Лена. – Кто вас вообще сюда пустил? Проваливайте!

– А что это за звезда такая, командует тут у нас?! – спросил второй, обращаясь к Зое с Машей.

Те захихикали, предвкушая скорую расправу над соседками. Назревал скандал.

Второй подошел к ним. Этот был коротко стриженный, в кожаной куртке, и похож на бандита из сериалов.

– Мальчики, уходите по-хорошему, – сказала Марина, пытаясь поддержать подругу.

– А, да вас тут двое, а я сразу-то и не заметил, думал, комар над ухом пищит. А это у нас тут звезда неземной красоты и гадкий утенок! – презрительно посмотрев на Марину, насмешливо и протяжно сказал долговязый.

В воздухе повисло напряжение, атмосфера наэлектризовалась.

– А вы не боитесь по вечерам без охраны ходить? – спросил долговязый нагло и вызывающе. – На улице вечером темно и страшно.

– Если вы нам понадобится, мы вас позовем, – сказала Лена и, пока они думали, что еще сказать, быстро вытолкала ухажеров за дверь.

Богатые мальчики под их окнами не водились, а другие Лену не интересовали. Марину же мальчики не интересовали в принципе – ее интересовал только принц из сказки.

Зоя и Маша не разговаривали с ними до самого вечера. Они сидели, перешептываясь друг с дружкой, и было понятно, что они тихо ненавидят и Лену, и Марину. Соседки были домашними, но и они, видимо, переняли детдомовскую привычку дружить не с кем-то, а против кого-то.

Сегодня был теплый весенний вечер, вскоре предстояли выпускные экзамены, и Марина собиралась усердно заниматься. Она убрала со стола остатки неудавшегося пиршества и разложила тетради и учебники.

Соседке Зое вдруг стало жарко, она открыла форточку. Вечерний холодный воздух ворвался в комнату, заставив лежащие на столе тетрадки зашелестеть тоненькими листочками.

– Закрой, пожалуйста, дует, – попросила Марина.

– Не закрою – мне жарко, – ответила Зоя и посмотрела на нее с вызовом, картинно подняв брови домиком.

Марина подошла к окну и закрыла форточку. Зоя подошла к окну и опять открыла форточку. Она осталась на страже у окна, чтобы Марина снова его не закрыла, и презрительно процедила сквозь зубы:

– Никто не виноват, что ты такая тощая, и все время мерзнешь. Подкидыш детдомовский!

Марина снова подошла к окну. Крупная и статная брюнетка Зоя схватила ее за волосы, нагнула голову к своей коленке, и несколько раз ударила коленом по лицу.

Марина от неожиданности не нашлась, что делать. Ей бы-

ло очень больно, и очень стыдно.

Все в комнате засмеялись, даже Лена, глядя на их потасовку. Марина легла на кровать и закрылась книжкой.

– Никогда не связывайся с сильными мира сего, – думала она про себя, глотая слезы. Она ненавидела себя за неумение удержать эти проклятые слезы.

– Добро побеждает зло только в сказках. В жизни всегда побеждает сила.

Окружающий мир был враждебен, Марина остро чувствовала свое одиночество и неприкаянность среди таких же, но чем-то сильно отличающихся от нее, студентов. Она никак не могла понять, чем, и это доставляло ей невыносимые мучения.

К концу учебы у Марины в дипломе стояли одни круглые пятерки. Впрочем, никому не было дела, отличница она или троечница, ведь выпускникам предстояло работать на тяжелом производстве, а там их успеваемость никого не интересовала.

Из детдома – в ПТУ, из ПТУ – в никуда. Окружающие слепо верили в неизбежность судьбы любого детдомовца. Немногие исключения лишь подтверждали общее правило.

На следующий день Ленка, чтобы разрядить гнетущую обстановку в комнате, предложила:

– Девочки, а давайте сходим в дом офицеров на танцы? Сами подумайте, ну зачем вам такие кавалеры, которые под окнами ошиваются? Там лейтенанты, курсанты, молодень-

кие и красивые, в настоящей военной форме! Пойдем, разведемся?

Обиженные Зоя и Маша отказались, и подружки пошли вдвоем.

Глава 10. Знакомство с друзьями

Ближайший дом офицеров располагался на углу Литейного проспекта и небольшой улицы со смешным названием Кирочная. На троллейбусе от их общежития проехать нужно было всего три остановки.

У Марины захватило дух, когда она увидела старинное здание, построенное еще при императоре Николае II, с высокой башенкой, лепниной и мозаикой. Немного страшновато было даже зайти в столь пафосное и грандиозное сооружение. Дамы и кавалеры танцевали здесь еще в прошлом веке, а вот теперь сюда пришли две скромные детдомовские девочки.

Внутри было не менее роскошно, чем снаружи. Интерьер выдержан в благородных зеленых с золотом цветах. Парадная лестница из мрамора через большой концертный зал вела в несколько гостиных, оформленных каждая в собственном неповторимом стиле. На величественных колоннах и предметах искусства лежал налет старины и благородства, богатства и роскоши.

Марина на минуту представила себя в роли Скарлетт О'Хара, спускающейся в шикарном бальном платье по ступеням огромной лестницы.

Но похоже, что на сегодня их с Леной судьба – сиротливо стоять в углу огромного танцевального зала.

Казалось, что этот роскошный старинный зал давит их, таких маленьких и хрупких, своими гигантскими размерами и высокими потолками. Он не принимает их, считает чуждыми и ненужными элементами, не вписывающимся в атмосферу богатства.

Девушки прижимались спинами к высоким белым колоннам, стараясь не показывать своего волнения и робости. Тоненькие и простенькие ситцевые платьишки, любовно сшитые Мариной на уроках труда, выдавали в них простушек из провинции, случайно забредших в столичный дом офицеров, и явно не вписывающихся в окружающую праздничную обстановку.

Разукрашенные девицы в крикливых блестящих нарядах, кожаных коротких юбках и в сапогах на тонких каблуках, обвешанные блестящей бижутерией с ног до головы, презрительно смотрели на них, выражая всем своим видом непонимание – откуда здесь эти две замухрышки?

– Лена, пойдем, что мы тут забыли? – заканючила Марина, которой совсем не понравилось подпирать стенку в огромном зале.

– Подожди, мы же только что пришли, – сердито зашипела Ленка, и вдруг они увидели направляющихся прямо к ним молодых людей.

– Девушки, можно пригласить вас на танец? – синхронно обратились к девочкам сразу двое красавцев в фирменных мундирах курсантов военной академии.

Напротив Марины стоял молоденький, низенького роста, нерусский юноша с маленькими щелочками карих глаз. Несмотря на его курсантскую форму, обычно оказывающую на девушек магическое влияние, он Марине не понравился. И ростом чуть ниже ее, и телосложения отнюдь не богатырского. Принца он даже отдаленно не напоминал. Но не стоять же у стенки, вызывая презрительные взгляды разукрашенных девиц!

Марина приняла приглашение и, кружась с ним в вихре медленного вальса, искала глазами подругу. Ленка улыбалась самой чарующей своей улыбкой обнимавшему ее блестящему высокому блондину с изумительными васильковыми глазами.

Слава Богу, музыка медленного вальса уже заканчивалась. Больше Марина ни за что не пойдет танцевать с этим нерусским юношей.

Однако партнер, проводив ее обратно к колонне, учтиво спросил:

– Можно пригласить Вас на следующий танец?

– Можно, – стараясь быть как можно более вежливой, но без особого энтузиазма, ответила Марина. Все же лучше танцевать, чем сиротливо стоять у стенки.

– Меня зовут Марат, – представился он, протягивая ей руку.

– Марина, – пожала она руку, оказавшуюся теплой и мягкой.

Нечаянно она вдруг вспомнила, что по этикету девушка первая должна протянуть руку. Лучше бы не вспоминала.

– Вот видите, у нас даже имена одинаково начинаются. Это судьба! – сказал Марат.

– Смеется он надо мной, что ли? – подумала Марина.

Но смеялся не он. К ним подходили, оживленно болтая и хохоча на весь зал, Ленка и ее спутник.

Казалось, что музыка смолкла, и больше уже не начнется, а все внимание окружающих переключилось на эту великолепную пару.

Марине даже показалось, что Ленка поежилась, проходя через зал под завистливые и злобные взгляды крикливых девиц.

Посмотреть действительно было на что.

Яркая блондинка Лена как будто бы сошла с экрана голливудского фильма. Несмотря на простое дешевое платьице в цветочек, в ней чувствовалась порода. Тонкие и правильные, классические черты лица позволяли ей в два счета с помощью небольших ухищрений превратиться в красавицу-кинозвезду

В умении наносить макияж Ленке не было равных. А скромное платье, любовно сшитое Мариной, подчеркивало ее тонкую осиную талию. Классическая длина платья чуть выше колена позволяла полюбоваться стройностью Ленкиных красивых ножек.

Марина же, напротив, была невзрачной шатенкой. Ари-

стократическая бледность ее худенького личика явно проигрывала живому румянцу на щеках Лены. Лена по праву заслужила восхищенные и завистливые взгляды.

Марина гордилась своей веселой и жизнерадостной подругой и даже не собиралась тягаться с общепризнанной красавицей. Так всегда было, и так всегда будет: Лена – красавица, а Марина – дурнушка.

Однако, что-то неприятно кольнуло ее, когда она увидела, как спутник Лены приглашает ее на следующий танец. Вероятно, Ленка ему очень понравилась, настолько, что он даже не замечал устремленных на них взглядов окружающих. Окружающие с интересом рассматривали их чуть ли не в упор.

Ленка веселилась, заражая всех своим смехом, а Марина так и не смогла определить, что за чувство мешало ей поддаться коллективной эйфории и безудержному веселью.

Они никогда так не проводили время – до сих пор им было запрещено покидать стены родного каземата.

– Ты – синий чулок! – поддела ее Лена, когда партнер вернул ее на место после следующего танца.

Она уже и думать забыла, как сама недавно стояла возле стенки с Мариной.

– Веселись! А то так и просидишь всю жизнь в своих романах! Жизнь дается только один раз!

– Ага, и прожить ее надо мучительно больно... – подумала про себя Марина.

Глава 11. Сад Сен-Жермен

После танцев друзья спросили у девочек разрешения их проводить, они познакомились поближе и стали чувствовать себя гораздо свободнее. У красавца с васильковыми глазами оказалось прекрасное русское имя Владимир.

Все вместе они прошли к выходу через торжественные лестницы и анфилады великолепного дворца. От величия помпезной старины у Марины захватывало дух. Ведь именно здесь, в этих парадных залах, в прошлые века проходили роскошные балы и царила атмосфера праздника и веселья. Вечернее освещение от висевших на потолках хрустальных люстр еще больше усиливало праздничную атмосферу и торжественность обстановки.

Марина ярко представила, как здесь, прижав к груди сабли и шпаги, в красивой форме русской гвардии, идут офицеры восемнадцатого или девятнадцатого века. А сейчас идут они, две скромные детдомовские девочки, сопровождаемые блестящими курсантами настоящей столичной военной академии.

Владимир оказался коренным петербуржцем, до безумия влюбленным в свой родной город. Они шли по Литейному проспекту, и он без усталости рассказывал о находящихся вблизи знаменитых местах.

На самом проспекте, где сейчас их оглушал шум машин,

автобусов, троллейбусов и трамваев, раньше были Литейные дворы, там производили пушки, ядра для пушек и прочее более мелкое огнестрельное оружие.

Владимир показал девочкам расположенный поблизости от дома офицеров музей истории войск военного округа.

– Город в прошлом много воевал, и одерживал блистательные победы, – гордо сказал он.

Они прошли несколько старинных зданий с резными дверями и ручками из дерева – просто фантастика!

Музеев здесь было множество.

– А вот здесь находится Фонтанный дом с музеем-квартирой Анны Ахматовой, – сказал их новый экскурсовод.

– А что, здесь на самом деле жила Анна Ахматова? – спросила Марина.

– Жила, и всю жизнь была связана с Петербургом, любила его, – ответил Владимир, и, немного помолчав, добавил:

– Здесь она писала прекрасные стихи, наш город был героем поэтических грез знаменитой поэтессы.

Убедившись, что его внимательно слушают, Владимир продекламировал:

*Был блаженной моей колыбелью
Темный город у грозной реки
И торжественной брачной постелью,
Над которой держали венки
Молодые твои серафимы, —
Город, горькой любовью любимый.*

Марина потеряла дар речи – красавец, будущий офицер, и знает стихи Анны Ахматовой!

Дальше она слушала в пол-уха. В голове звучали чудесные стихи любимой поэтессы.

Марина даже не слышала шума проспекта, доносящегося как будто бы издалека.

Владимир был большим мастером рассказывать – он поведал спутникам о музее-квартире Некрасова, спрятанном в неприметном здании с козырьком, о всероссийском музее Пушкина, находившемся на углу Литейного и улицы Некрасова.

Он готов был рассказывать о старинном Санкт-Петербурге бесконечно. Марина постаралась собраться и сосредоточиться на историях эрудированного красавца. От громких имен и исторического величия города можно было потерять голову.

Владимир не мог отпустить их без небольшой экскурсии и предложил заглянуть на минуточку в его любимый двор – сад Сен-Жермен. Туда можно было пройти через металлические ворота-решетки, нужно было только дожждаться какого-нибудь припозднившегося местного жителя.

– Ну, если только на минуточку, – сказала Марина, – а то нам так в общежитии попадет, если опоздаем, что больше долго никуда не выпустят.

– Да это недалеко, здесь же, на Литейном, в двух шагах от нас, – настаивал Володя. – Очень хочу показать вам мое

любимое место!

И правда, зайдя во внутренний дворик с красивым французским названием, они почувствовали умиротворяющую атмосферу и романтику настоящего города, спрятавшего свою первозданную эстетическую красоту подальше от шума огромного проспекта.

Даже в подворотне, через которую они прошли в зеленый двор, на арочных потолках была настоящая лепнина. Их поразила решетка, огораживающая зеленый газон, оказавшаяся со слов Володи почти точной копией решетки Летнего сада.

Внутри старинного, украшенного цветами, уютного дворика они увидели величественное здание с полуразрушенными балконами, симпатичный фонтанчик со статуей, огромный глубокий колодец. Все убранство скромного дворика было с налетом глубокой старины и тщательно оберегалось местными жителями от посторонних глаз с улицы и любопытных снующих повсюду туристов.

– Это один из самых симпатичных дворов Питера. В семидесятых здесь собиралась неформальная молодежная тусовка, – рассказывал Владимир, – в этом дворике побывали самые известные поэты и музыканты. Здесь были даже такие величины, как Шаляпин и Маяковский.

С сожалением они попрощались с чудесным местом, и вышли обратно на проспект.

Несмотря на летнее время, прохожие были одеты в куртки

и плащи, многие – с зонтами. Асфальт был мокрым и скользким от прошедшего недавно дождя.

Дождавшись позднего троллейбуса, они проехали три остановки. Людей в салоне почти не было, и Владимир рассказывал им о каждом здании за окном, красиво подсвеченном огнями вечернего Питера.

Он стоял, поддерживая Лену, и немного приобняв ее за плечи, чтобы она случайно не пошатнулась и не упала.

Марат, похоже, тоже хотел обнять Марину, но не осмеливался. Марина старалась соблюдать безопасную дистанцию.

Заболтавшись, они чуть было не проехали свою остановку. Девочки катались бы на задней площадке этого троллейбуса хоть до самого утра, наслаждаясь приятным обществом друзей и слушая бесконечные рассказы о городе. Расставаться с Володей и Маратом им очень не хотелось.

Ребята вышли вместе с ними, проводили Марину и Лену до дверей, и откланялись.

Войти в общежитие можно было только до одиннадцати вечера. Девушки задержались на целых полчаса, и вахтерша баба Зина в вязаной жилетке поверх грязно-белого свитера устроила им настоящий разнос:

– Всё бы вам по танцам шляться, свиристелки. Ишь, уха-жеров каких отхватили, в форме! А ну-ка, давайте, быстро по своим комнатам! Завтра всё коменданту доложу – выселят вас, как миленьких, чтобы неповадно было по ночам таскаться! Шалавы! Профурсетки!

– Не кричите, баба Зина, – извиняющимся тоном попросила Марина, – мы же не виноваты, что троллейбусы плохо ходят, долго ждали на остановке. Мы больше не будем, честное слово!

С гулким грохотом за девочками захлопнулась обшарпанная металлическая дверь общежития, принявшего их в свои казенные объятия, и оставившего на воле соблазны большого города.

Девочки-соседки уже спали, а Лене с Мариной так хотелось обсудить подробности чудесного вечера!

Ленку распирало любопытство:

– О чем вы разговаривали с Маратом?

– Он сказал, что я – его судьба, и у нас даже имена на одинаковую букву начинаются, – смущенно улыбаясь, призналась Марина.

– Ой, судьба! Знаем мы такую судьбу – поматросил, и бросил! Да кому ты такая нужна – живешь за печкой, с книжкой в обнимку, ни кожи, ни рожи. Что в тебе можно найти?

Ленка никогда не верила, что Мариной всерьез может кто-нибудь заинтересоваться, и она была абсолютно права.

Марина обиженно прошептала:

– Давай спать, а то соседей разбудим.

– Нет, подожди, – Ленке хотелось поделиться своей радостью, ей даже в голову не могло придти, что она обидела Марину.

– А мне кажется, что я встретила своего принца!

– Ты же хотела встречаться только с мальчиком из богатой семьи, – напомнила ей Марина, – и чтобы была четырехкомнатная квартира в центре города!

– Зато он красивый... – мечтательно прошептала Лена. – Хотя, да, ты права, и вообще, они в казарме живут. Вот поступлю на артистку учиться, тогда его и брошу! А пока все равно больше никого нет. Володя обещал, что в следующую субботу они за нами зайдут, и у нас будет настоящее свидание! Пойдем гулять по городу!

В военной академии, где учились ребята, царила строгая дисциплина, а на первых трех курсах курсанты должны были жить в казарме. Только старшекурсникам разрешали снимать квартиры в городе. Вырваться из своей альма-матер курсанты могли только на пару часов в выходной день, и девочки нетерпеливо ждали предстоящих выходных.

Глава 12. Летний сад

– Смотри, пришли! – радостно воскликнула Ленка в субботу, выглянув в окно и увидев ребят, скромно стоявших у подъезда с букетиками белых ромашек. Цветы нелепо смотрелись в руках у курсантов в строгой военной форме.

Девочки уже были одеты, Ленка первая выскочила из общаги и повесилась Володе на шею. Марина неторопливо вышла и сдержанно поздоровалась с Маратом.

Володя предложил пойти на прогулку в Летний сад – он хотел показать им самый старинный парк Петербурга.

Посоветовавшись немного, все дружно решили, что это хорошая идея.

– Поедем на метро, – сказал Володя, – это в самом центре, недалеко от станции Чернышевская. Но мы пойдем туда по самой живописной дороге – от Невского проспекта, тогда мы попадем в сад со стороны Невы. Полюбуйтесь видами знаменитой реки. Вы ведь не были там, я надеюсь?

Марина и Лена переглянулись. Еще не было случая сказать ребятам, что они выросли в детском доме. Нужно будет рассказать потом.

На этот раз метро не произвело на Марину такого впечатления, как тогда, в детстве. Ехать было всего несколько остановок, но в выходной день центральные станции были переполнены народом.

– Час пик, суэта, вечный шум, – подумала Марина. – Пожалуй, это единственное, что я не люблю в Питере.

От метро «Невский проспект» идти было довольно далеко, зато они вошли в Летний сад через главные ворота.

– Смотрите, такая же решетка, как мы видели в дворике Сен-Жермен! – воскликнула Марина, увидев уже знакомые очертания.

– Да, это один из символов Санкт-Петербурга. Анна Ахматова назвала решетку Летнего сада самой красивой решеткой в мире! Ее поддерживают тридцать шесть гранитных колонн, на них установлены вазы и урны, а соединяет их ажурная металлическая решетка, которую вы и видите перед собой. Она украшена позолоченными деталями, – пояснил Володя.

– Сколько же Вы всего знаете, Владимир! – восхитилась Марина. – Я бы в жизни не запомнила столько информации!

– Марина, давайте уже перейдем на «ты», мы ведь все ровесники, а общаемся официально, как с незнакомцами.

– Хорошо, – согласилась Марина, – просто мне нужно немножко времени, чтобы привыкнуть.

Ленке ни к чему привыкать было не нужно, она чувствовала себя, как в своей тарелке. Подруга недоуменно посмотрела на Марину и спросила:

– Что это тебе вздумалось церемонии разводить?

Лето уже вступило в свои законные права, разукрасило листья деревьев ярким изумрудно-зеленым цветом, природа

расцвела и дарила красоту, тепло и радость.

Девочки тоже радовались теплему погожему денечку, а Марину все здесь восхищало.

По широкой аллее парка бродили в обнимку влюбленные пары, наверное, именно для них в парке были устроены живописные уголки с лавочками. А от летнего зноя можно было спрятаться в длинном зеленом туннеле, совместном произведении природы и человеческих рук.

Вдоволь набродившись по дорожкам, обрамленным по бокам красиво постриженными лиственными деревьями, молодые люди посидели немного на лавочке, наслаждаясь шикарным видом на Неву.

– Нет, не будем рассиживаться, – сказал Володя, – здесь еще много интересного!

Пока они бродили по аллеям, любуясь статуями и фонтанами, незаметно пролетело время. Вечерело – косые лучи заходящего солнца подсвечивали древние статуи, делая их как будто живыми, закатные солнечные лучики просвечивали сквозь листья деревьев и заполняли все вокруг золотым потоком. Незабываемое зрелище!

Ленка с Владимиром шли впереди, Володя обнимал Ленку за плечи, и она заливисто смеялась своим заразительным смехом. Марина с Маратом, уже немного уставшие, плелись сзади.

– Мариночка, почему Вы такая отчужденная? – спросил Марат.

– Да что Вы придумываете, Марат! Что за слово такое – отчужденная? Вы где его вычитали? Кто меня отчуждал?

– Марина, не нужно язвить и злиться. Можете прямо сказать, что я Вам совсем не нравлюсь, – сказал Марат, и надулся, как мышь на крупу.

– Ну что Вы, Марат! – решила Марина сменить гнев на милость, и взяла его под руку.

Марат тут же расплылся в широкой улыбке, обнажив белые ровные зубы. Его и так узенькие глазки-щелочки еще более сузились.

– Давайте пойдем на выход, здесь много недорогих кафе? – предложил Володя, обернувшись к ним.

– Конечно! – Марат с Мариной обрадовались, они уже сильно проголодались.

Парковый ансамбль, конечно, очень красивый, но не мешало бы и перекусить.

Перед входом в небольшую кафешку Марина спросила Ленку:

– Они знают, что у нас нет денег?

– Успокойся, мужчины всегда должны платить, – прошипела ей Лена, скорчив недовольную гримасу. – Ты просто деревня! Хоть не говори пока, что ты из детского дома!

Они сели на пластиковые стулья, и официант принес заказанные Володей блюда – порцию шашлыка всем четверым и по стакану чая. Он честно признался, что денег у него совсем немного, они получают денежное довольствие, но в Пи-

тере его хватает только на проезд, на хлеб и воду.

– Когда я стану самостоятельной, я всегда буду кушать лобстеров и бутерброды с черной икрой, – мечтательно сказала Лена, картинно закатив свои красивые глаза.

– Она хоть знает, что такое лобстеры? – подумала про себя Марина.

– А у меня родители постоянно говорят, что на определенном жизненном этапе черная икра перестает приносить удовлетворение, – выдал Володя умную фразу.

– Да ну?! – удивилась Ленка, – хотела бы я посмотреть на людей, которые не любят черную икру. Познакомь меня со своими родителями!

– Приходите в следующую субботу на танцы, – предложил Володя. – Мама тоже будет там. Она у меня заместитель директора Дома офицеров.

– Ой, правда?! – обрадовалась Ленка, – значит, мы сможем договориться и ходить бесплатно на концерты звезд? Ведь твоя мама может нам помочь?

– Конечно, – легко согласился Володя, – не вижу никаких проблем.

Марина тихонько лягнула Ленку под столом – нельзя же быть такой навязчивой!

– А кем у тебя папа работает? – не унималась подруга, пытая Владимира.

– У меня семья потомственных военных, – важно сказал Володя, – мой папа – генерал!

Новость произвела фурор. Ленка вилась вокруг него ужом, стараясь выставить напоказ все свои женские прелести. А посмотреть там было на что.

Она постоянно склонялась над тарелкой Володи, как бы случайно касаясь его краешком своей великолепной груди, заглядывала ему в глаза, и молола какую-то чушь про единственную встречу и неземную любовь. Роскошные белокурые локоны как бы невзначай падали Володе на плечи, а пухлые Ленкины губы оказывались в опасной близости от лица молодого человека.

Почему-то Марине вдруг показалось, что Володя смотрит только на нее, не замечая броской красоты подруги.

– Да нет, показалось, – тут же подумала она.

Ей было скучно с Маратом. Лучше бы дочитывала в общаге новый роман, чем проводить время с человеком, с которым не о чем поговорить.

Из всех жизненных увлечений Марина предпочитала скоротать вечер с книжкой наедине, или связать новое платье любимой кукле Лизе, с которой так и не расставалась.

После уроков ей всегда разрешали забирать в комнату одну из швейных машин – за это она помогала учительнице труда в ремонте ее одежды. Марина могла любую невзрачную тряпку превратить в произведение искусства, придав ей модный вид с помощью простых подручных материалов и недорогих, но броских аксессуаров. Ей очень нравилось радикально менять вид простой вроде бы вещи, превращая ее в

оригинальную и неповторимую. Для Марины не составляло никакого труда изменить дизайн блузки или платья, пришив рюши или связав кружево, сделать модную отделку с помощью бисера и красивых пуговичек. Связать модную сумочку не составляло для нее никакого труда.

Жаль, что молодых людей совсем не интересуют начитанные синие чулки с возвышенными идеалами, умеющие шить и вязать.

Лучше бы у нее грудь была, как у Ленки, или губы так же ярко накрашены!

Вечером ребята проводили их, церемонно распрощавшись и пообещав придти в следующие выходные.

После их ухода в своей комнате девочки делились впечатлениями.

– Я влюбилась! – призналась Лена, – он такой воспитанный, интеллигентный, образованный. И родители у него богатые! Ты только представь – мы теперь сможем ходить на все концерты!!! Совершенно бесплатно!

Марина молчала – ей Марат не нравился. Кроме занятий в военной академии, с ним поговорить больше не о чем. Можно было еще обсудить погоду за окном.

Литературой и искусством он не интересовался, равно как и любым творчеством. Совершенно приземленный человек.

Ленка глупо улыбалась и закатывала глаза к потолку.

– А нам летать, а нам летать, а нам летать охота! – вспомнила Марина песенку Водяного из детского мультика и тоже

улыбнулась своим мыслям.

Уж она-то точно не приземленная! Неисправимая идеалистка.

Через неделю Ленка уже вовсю мечтала о знакомстве с родителями Володи, а потом и о скорой свадьбе.

А в следующую субботу Марина с Леной поехали в Дом офицеров, решив воспользоваться любезным предложением Володи.

Глава 13. Знакомство с мамой

Ребята ждали их возле той же знакомой колонны и оба счастливо заулыбались при виде девушек.

– Володя, ну, познакомь меня со своей мамой, ты же обещал, – ласково обвившись вокруг Владимира, заныла Ленка.

– Да вон она идет! Ее зовут Лидия Анатольевна, – сказал Володя, обернувшись направо.

К ним направлялась ухоженная, с высокой копной красивых каштановых волос женщина, статью, красотой и даже прической напоминающая французскую актрису Бриджит Бардо. Марина никогда раньше не видела таких стильных и ухоженных женщин. Пожалуй, рядом с такой красавицей модницы-педагоги из училища казались бы невзрачными серыми мышками.

– Ну, как вы тут развлекаетесь, мальчики? – спросила она, подойдя к молодым людям.

– Мама, познакомься – это наши с Маратом новые знакомые, девушки Лена и Марина, – представил их Володя.

– Очень приятно, – строгим деловым голосом сказала мама.

Марине показалось, что не так уж ей и приятно.

Володя обнимал Лену за плечи, всем своим видом показывая, как он горд своей избранницей.

– А где вы учитесь, девочки? – последовал следующий во-

прос, обращенный уже к Марине с Леной.

– Мы оканчиваем училище в этом году, – скромно ответила Марина.

– ПТУ?! – удивленно, с ноткой сарказма в голосе, спросила мама Володи.

Марине показалось, что музыка в зале смолкла, и все присутствующие обернулись в их сторону и посмотрели на девушек с ужасом и презрением.

«ПТУ» – прозвучало как приговор. Это короткое слово опустило их с Ленкой ниже плинтуса и сразу сделало недостойными вообще находиться в этом зале.

Ленка толкнула Марину в бок, и быстро затараторила:

– У меня большие планы, – сказала она, – я собираюсь поступать в кинематографический институт. Все говорят, что у меня талант, а внешностью я очень похожа на Мэрилин Монро. Я даже конкурс красоты выиграла!

После этих слов она посмотрела на Марину и добавила:

– Маринка, конечно, до канонов красоты не дотягивает, она окончит училище, и будет работать.

Володина мама внимательно на нее посмотрела, и, ласково погладив сына по щеке, сказала:

– Ну, вы тут развлекайтесь, мальчики и девочки, а я пойду, не буду вам мешать.

Она удалилась, плавно покачивая бедрами, провожаемая восхищенными и завистливыми взглядами.

Вечером в общежитии только и было разговоров, что о

Володиной маме.

Ленка была уверена, что она понравилась будущей свекрови, и предвкушала скорую встречу с обоими родителями на следующей неделе.

– Вот я тебе говорила, дурочка, – выговаривала она Марине, – будешь сидеть в обнимку с книжкой – останешься в старых девах! Всегда нужно брать судьбу в свои руки и воевать за свое счастье.

Марина молчала.

– Володя так влюблен в меня, – мечтательно закатив глаза, призналась Лена. – Он даже пригласил меня к себе домой, чтобы в домашней обстановке познакомить со своими родителями! Он сказал, что я – первая девушка в его жизни, к которой у него серьезные чувства. А в их семье все влюбляются с первого взгляда и на всю жизнь!

– Это серьезный шаг – знакомство с родителями, – согласилась Марина, и тут же предложила:

– Давай сошьем тебе новое платье, чтобы ты была на высоте. И туфли можно у Зои попросить, негоже в гости к такой женщине приходиться в стоптанных туфлях.

В субботу Марина осталась одна, отказавшись от встречи с Маратом и сославшись на подготовку к последнему экзамену, а Ленка поехала с Володей к нему домой.

Жил он с родителями в самом центре, недалеко от Невского проспекта. В их подъезде дежурила консьержка, Володя приветливо с ней поздоровался.

– Прямо, как у нас – вахтерша, – сказала Лена.

– Ну, а как же иначе? – удивился Володя, – по-твоему, генералы, отслужив всю жизнь на благо Родины, должны жить в коммунальной квартире? Нет, у нас четырехкомнатная, все, как положено. И консьерж, и сигнализация, и тревожная кнопка даже есть. Все же в центре туристического города живем.

Войдя в квартиру, Лена ахнула. Все, как она мечтала. Ей вдруг показалось, что судьба сама идет к ней в руки, а мечты воплощаются в действительность.

У порога их радушно встретил папа, который даже без формы выглядел как настоящий генерал – подтянутый, широкоплечий и высокий. На нем был серый костюм с галстуком.

– Проходите, пожалуйста, молодые люди, – сказал он, улыбаясь, и сразу представился:

– Павел Михайлович.

Одобрительно и ласково он посмотрел на смущающуюся Лену:

– А милая девушка, должно быть, Лена?

Она улыбнулась в ответ. Володя взял ее за руку и потащил в большую комнату, оказавшуюся при ближайшем рассмотрении гостиной.

Обстановка внушала уважение. Гостиная была выдержана в строгих темно-красных тонах. Массивный угловой диван и кожаные кресла казались крошечными, потерявшись

в пространстве огромной комнаты. В импортной мебельной стенке красовались сервиз «Мадонна» и вазы из богемского стекла.

Великолепная хрустальная люстра на потолке освещала мягким рассеянным желтым светом развешанные на стенах картины.

В картинах Лена не разбиралась – старинные, и старинные. Тетки какие-то изображены грудастые, младенцы кучерявые. Абсолютно ничего интересного.

Стол был накрыт празднично, а белая накрахмаленная скатерть в кружевных оборочках подчеркивала торжественность обстановки. Обслуживала их домработница в белом кружевном переднике.

– Ничего себе! – не сдержала возгласа восторга Лена, – я и не знала, что люди могут так жить!

Стол был красиво сервирован, а все блюда казались Лене изысканными и непонятными. Она второй раз в жизни видела сервелат и салями – первый раз еще тогда, в лагере, когда они с Мариной, сидя в уголочке, глотали слюни.

Сначала подавали холодные и горячие закуски – это было еще, куда ни шло. Неловкая ситуация возникла позже – когда на большом блюде принесли запеченного поросенка, нагло выпятившего свою морду с пяточком.

– Как к нему подступиться-то? – со страхом подумала Лена.

– Надеюсь, Лена, что Вы не еврейка, – как будто бы про-

читал ее мысли Володин папа, и чуть-чуть поближе к ней придвинул хрюшку.

– Угощайтесь, пожалуйста, молочный поросенок!

– Спасибо, – сказала Лена.

Она подвинула поближе к себе блюдо с салатом, а потом разглядела тарелку с бутербродами.

Не рискуя пробовать и резать на куски поросятину, она трескала бутерброды с черной и красной икрой.

Мама Володи смотрела на нее не то с жалостью, не то с недоумением – Лена совершенно не умела пользоваться ни ножом, ни вилкой.

– Надо было уроки этикета брать, прежде чем в гости идти, – раздраженно подумала Лена про себя.

– Так ведь не предупредил же никто.

– Лена, для рыбы одна вилка, для мяса – другая, – пыталась Лидия Анатольевна исправить Ленкины оплошности, подвинув ей поближе тарелку с запеченной рыбой.

К Ленкиному счастью, рыбу предусмотрительно разрезали на небольшие порции.

– Где сын нашел эту деревенскую девочку? – думала мама с раздражением, пытаясь хотя бы ради своего мальчика казаться гостеприимной и благожелательной.

Похоже, ей это плохо удавалось.

Лена, в свою очередь, старалась быть остроумной, веселой, рассказывала студенческие анекдоты, скрывая за деланной веселостью свою неловкость и нервное напряжение.

С лица Лидии Анатольевны не сползала натянутая улыбка, ничего, кроме ледяной вежливости, для Лены не выражающая.

Когда подали чай в английских фарфоровых тонких чашках, Лена потянулась за золоченой сахарницей, и случайно рассыпала сахар по столу. У нее дрожали руки – ведь сирота из детского дома не привыкла, что за каждым ее движением внимательно наблюдают. До сих пор ей не приходилось озадачиваться правилами поведения за столом, изучать сервировку и разбираться в тонкостях использования ножа и вилки. Да и уроки этикета им никто не преподавал.

Строгие глаза Лидии Анатольевны, казалось, оценивают каждое ее движение, каждый жест, и критически осматривают ее всю, начиная от прически и заканчивая дешевым платьем из ситца и новыми, но чуть великоватыми туфлями.

– Слава Богу, хоть туфли попросила у соседки, – подумала Лена. – Пришла бы в стоптанных тапочках!

Она еле выдерживала показную вежливость Володиных родителей. Павел Михайлович сидел рядом с супругой, и за весь вечер не вымолвил почти ни единого слова, кроме «спасибо» или «пожалуйста», обращенных к домработнице, и глубокомысленной фразы про евреев, которую Лена так и не поняла.

Она попыталась найти поддержку у Володи, взяв его за руку. Он небрежно отстранился и потянулся за тарелкой с воздушными белоснежными меренгами, обрамленными по

бокам свежими ягодами вишни и клубники.

Чтобы прервать молчание, Лена начала рассказывать, что в августе собирается поступать в институт кинематографии.

– Конечно, – с едва уловимой ноткой сарказма в голосе поддержала ее Лидия Анатольевна, – артисток погорелого театра в нашей семье еще не было.

Лена обиженно замолчала, и конец вечера оказался совсем скомканным. Володя, поняв, что обстановка все более накаляется, извинился перед родителями, и пошел провожать расстроенную невесту.

Когда он вернулся, его ждал серьезный разговор с родителями. Вернее, говорила одна мама, а папа-генерал молчал и поддакивал. Сразу становилось ясно, кто в этой семье на самом деле командир.

– Сынок, присядь, – сказала ласково мама. – Мы должны с тобой серьезно поговорить. Ты ведь знаешь, что ты у нас единственный сын. Мы любим тебя безмерно. Так вот, сынок, послушай нас с папой.

Владимир сел в кресло и приготовился внимательно слушать. Начала разговор мама:

– Сын, с тобой все понятно – молодость, гормоны, девушка с красивой внешностью. Но для жизни, поверь нам, одной милой мордашки мало. Что будет, если нам с отцом не удастся договориться, чтобы ты после учебы остался в Питере? Если ты попадешь служить куда-нибудь в Забайкалье? Ты думаешь, что девушки подобного типа умеют любить и

ждать? Что Лена, как жена декабриста, поедет за тобой в глушь?

Владимир не ожидал подобного разговора, да и планов он пока никаких не строил. Просто влюбился, и, возможно, ждал одобрения родителей, надеялся, что Лена им понравится.

– Мне кажется, я достаточно взрослый, чтобы разбираться в людях, и выбирать, с кем мне встречаться, – попробовал он возразить маме.

Папа, как показалось Володе, решил поддержать его, и задумчиво вымолвил:

– Сынок, выбирать тебе.

Однако, через минуту глубокомысленного молчания, папа продолжил:

– Но лично мне кажется, что Лена слишком карикатурный персонаж, чтобы всерьез думать о дальнейшей жизни с ней. Многие девочки хотят «из грязи в князи», и чтобы ничего больше в жизни не делать. Все их мечты – найти богатого ухажера, и ни о чем не думать за его широкой спиной.

Он медленно, задумчиво и с явно слышащейся в его голосе грустинкой вымолвил:

– Жизнь, сынок, сейчас такая сложная...

Володя молчал.

Глава 14. Расставание с Леной

Но после этого вечера он стал заметно отдаляться от Лены. Они всё ещё встречались по субботам, ходили в кино, но она приходила со свиданий все более удрученной.

Последний фильм, который они посмотрели, – «Унесенные ветром» с непревзойденной Вивьен Ли в главной роли. Володе фильм не понравился. Они ели попкорн на последнем ряду, и Володя недовольным тоном сказал Лене:

– Твоя Скарлетт – избалованная эгоистка.

Лена с жаром принялась возражать.

– Да ты что?! Скарлетт – идеал всех женщин мира! А фильм – мировой шедевр!

– И что в ней идеального? Посмотрел бы я на твою Скарлетт, если бы папа не оставил ей поместье, а Ретт не обеспечил деньгами.

Владимир был безжалостен к любимой Ленкиной героине.

– Я удивляюсь вашему женскому выбору – чем вы восхищаетесь?

Лена попыталась возразить:

– Силой духа Скарлетт, способностью любить.

– Любить?! Выходить замуж за деньги, увести жениха у сестры, всю жизнь отталкивать единственного мужчину, который ее любил?

– Так ведь Ретт сам бросил ее! – запальчиво сказала Лена, еще раз попытавшись защитить любимую героиню.

– Нет, нам, мужчинам, вас, женщин, не понять. Ни чего вы хотите, ни о чем вы думаете, ни что вы чувствуете, – задумчиво произнес Володя.

Она со страхом посмотрела на него:

– Ведь ты меня не бросишь? С чего вдруг такие речи, твое мрачное настроение?

– Леночка, не беспокойся.

Он нежно обнял ее и улыбнулся милой и чарующей улыбкой.

– Клянусь тебе, я никогда тебе не оставлю, пока смерть не разлучит нас.

– Зачем ты улыбаешься?! Ты смеешься надо мной? – Лена надула губки.

– Ведь у нас с тобой все серьезно? Скажи! Скажи мне!

Владимир не умел разочаровывать красивых девушек. Ему всегда казалось, что лучше сладкая ложь, чем горькая правда. Он действительно абсолютно искренне не мог понять, зачем и с какой целью нужно говорить людям то, что может их обидеть. Разве лишь для того, чтобы они тебя ненавидели, но для чего ему чужая ненависть?

– Конечно, серьезно, – ответил он. – Ведь у нас пока нет ребенка, как у твоей героини, оказавшейся в конце концов плохой матерью, и отдавшей эту роль супругу.

Он постарался обернуть все в шутку, но Лене этот разго-

вор сильно не понравился. Она чувствовала, что Володя все больше отдаляется от нее.

Вечером в общежитии она плакала и жаловалась Марине:

– Никогда никому не верь, Маринка. Мы с тобой – сироты, у нас никого нет, и это никогда не изменится. Нам не место в шикарных домах, о нас всю жизнь будут вытирать ноги. Боже, если бы я родилась в такой квартире, как у Володи, вся моя жизнь сложилась бы по-другому. Я выросла бы холодной жестокой стервой, помыкающей домработницей. Я на всех смотрела бы сверху вниз и плевать хотела на мнение окружающих. Все бы кланялись мне и уважительно называли по имени-отчеству. Я никогда бы ни в кого не влюбилась, а все сражались бы за честь погулять со мной вечером при свете луны, и дарили шикарные подарки.

– Леночка, успокойся, – утешала ее Марина. – И так все будут сражаться. Вот увидишь, будут!

Но Володя не сражался. Он пропал, и не приглашал больше на свидания. Лена пыталась не обращать внимания на его охлаждение. Она звонила ему по вечерам.

Разговаривал он с ней холодно и сквозь зубы, ничего не объясняя и ссылаясь на нехватку времени, пока однажды трубку не взяла Лидия Анатольевна.

– Послушай меня, деточка, – ласковым тоном сказала она. – Я понимаю, что мой сын вскружил тебе голову – ведь он у меня красавчик. Возможно, ты его любишь, или думаешь, что любишь. Но вы с ним совсем не пара.

Лена попыталась возразить:

– Да откуда Вы можете знать, пара мы или не пара? Я его очень люблю, и он меня тоже!

– Возможно, – сухо сказала Володина мама. И вынесла вердикт:

– Но на таких не женятся. Моему сыну нужна другая девушка, скромная, хозяйственная, которая будет ждать его со службы, готовить вкусные ужины, и подарит нам внуков. А у тебя еще много будет в жизни хороших парней. Не стоит вам обоим морочить друг другу голову.

Лидия Анатольевна была верна составленному о Лене первоначальному мнению, к тому же она предпочитала сразу расставить все точки над *i*.

– Ну, это мы еще посмотрим, – сказала Лена, положив трубку, а про себя добавила:

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Сейчас, рыдая и заливаясь слезами, она пыталась получить утешение у Марины.

– Марина, ну, как ты думаешь, взрослый парень будет прислушиваться к мнению родителей?

– Нормальный и самостоятельный – не будет, – ответила Марина. – А если Володя прислушивается, значит, не такой уж он и самостоятельный. Да у такой красавицы, как ты, еще миллион ухажеров будет!

– Мне не нужен миллион, мне нужен Володя! Он одумается и скоро поймет, что лучше меня никого нет! – упорство-

вала Лена.

Но Володя избегал встречи или серьезного разговора. Марина делала попытки открыть подружке глаза.

– Лена, каждый детдомовец мечтает о самом главном в жизни – о большой, любящей и дружной семье. Вспомни, как мы с тобой мечтали, сидя на кроватях. Может быть, тебе кажется, что ты любишь Володю. Но он для тебя – всего лишь воплощение детской мечты. Он никогда не пойдет против своих родителей.

– Ты-то что можешь в этом понимать?! – со злобой в голосе ответила подруга.

Лена злилась, закатывала истерики, обрывала Володин телефон.

– Ну, скажи мне, Маринка, что со мной не так?! – пыталась она Марину. – Я же любила его, я всё готова была сделать для него. Я красивая, я всем нравлюсь.

– Да всё с тобой так, – утешала ее Марина. – Просто его родителям не нужны ПТУшницы. Вся наша вина в том, что у нас нет родителей. Если бы у нас был кто-нибудь, кто мог бы заступиться, его мама никогда бы не посмела так тебя оскорбить. Они – просто снобы, зажавшиеся и обнаглевшие. А он – маменькин сынок. Забудь!

Володя больше не приходил и не звонил, а трубку всегда брала его мама. Лена давно уже забыла о том, что по-настоящему влюбилась в Володю, узнав, что он из хорошей и богатой семьи. Она не хотела верить, что пришел конец их ро-

мантическим отношениям, и не собиралась смотреть правде в глаза.

Девочки закончили учиться в училище. Наступила середина лета. Нужно было проходить практику на прядильно-ткацкой фабрике.

Для Лены все несчастья сошлись воедино – и несчастная любовь, и необходимость ходить на ненавистную фабрику, стоять у шумных станков.

– Я никогда не буду рабом! – сказала она. – Ноги моей не будет ни на какой фабрике!

Марина пыталась образумить подругу:

– Лена, тебе же не отдадут диплом.

– Да пусть пропадут все пропадом и с дипломом, и с практикой! – зло ответила Лена.

Придя вечером в общежитие, Марина обнаружила Лену лежавшей ничком на диване. Несмотря на свою браваду, переживала она мучительно. Ей казалось, что любовь к Володе – единственное настоящее чувство в ее жизни. Не зря он покорила ее сердце с первого взгляда – она знала, что ни до, ни после не встретит больше даже его бледной копии. Ее сердце принадлежало только ему, безраздельно и навсегда.

Не дай Бог никому познать таких душевных мук, какие сейчас испытывала несчастная безнадежно влюбленная Лена.

Марина не знала, как и чем помочь – она готовила для Лены чай с малиновым вареньем, молоко с медом. На еду

Лена даже смотреть не могла.

Она отвернулась к стенке, и так, молча, пролежала несколько дней.

– Лена, ты должна встать – нам нужно проходить практику, – твердо сказала Марина.

Она исчерпала все доводы и слова утешения.

Лена молчала. А на следующий день она забрала документы, отказавшись от прохождения практики. Аттестат был у нее на руках, а трудовую книжку еще не завели. Больше ничто не помешает ей исполнить свою мечту о сцене. Лена подала документы в Санкт-Петербургский институт кино и телевидения.

Глава 15. Фабрика

Лене с огромным трудом удалось взять себя в руки. Она злилась на тех, кто так жестоко ее отверг, и готовилась завоевать весь мир.

– Я начну новую жизнь, – с решительностью бойца сказала она Марине.

– Не зря говорят, что от любви до ненависти один шаг, – сочувственно вздохнула Марина.

– Я докажу им, что со мной нельзя так обращаться! – пообещала Лена. – Этот гад еще в ногах у меня будет ползать!

– Я в этом абсолютно уверена! – подтвердила Марина. – Ты такая красивая и такая талантливая!

Все лето Лена ходила по массовкам, посещала все культурные мероприятия в городе и пыталась познакомиться с кем-нибудь влиятельным из киношной тусовки.

У Марины не было таких далеко идущих планов, не было и желания, чтобы кто-то ползал у нее в ногах. Она устроилась работать на прядильно-ткацкую фабрику, где они с сокурсницами проходили практику. Большим плюсом было то, что на фабрику постоянно требовались рабочие, а всем нуждающимся предоставляли общежитие.

Выпускникам детского дома по закону положена квартира от государства, но на самом деле получить ее очень сложно, почти невозможно. Преодолеть все бюрократические препо-

ны и отстоять длинную многолетнюю очередь удавалось единицам, особенно настойчивым и упорным в достижении цели.

Были и случаи, когда выпускники получали все-таки долгожданную квартиру от государства, но у них ее либо выманивали обманным путем, либо забирали за долги. «Доброжелатели» спаивали или подсаживали на иглу не готовых к реальной жизни детдомовцев и оформляли дарственную на себя. Хорошо еще, если в живых оставляли бывших владельцев жилья.

Марина даже и не думала ни о каких сложных путях получения дармовой квартиры от государства. В общежитии ее поселили в комнате на двоих с соседкой Ниной, такой же воспитанницей детского дома, только из Самары.

Нина поражала Марину своей житейской мудростью, в свои девятнадцать лет она знала о жизни столько, сколько обычная девушка не узнает и за всю жизнь. До своего совершеннолетия Нина поменяла уже несколько детских домов, насмотрелась в своих скитаниях всякого. Она много знала о жизни такого, чего никогда не прочитаешь в книгах, но рассказывала об этом скупно.

Да и кому интересно знать о печалях и невзгодах?

После ветреной подружки Лены такая самостоятельная соседка стала настоящей находкой для Марины, и поначалу ей очень нравилось, что Нина видела людей насквозь и имела собственное мнение обо всем на свете.

Прошло несколько месяцев тяжелого труда на фабрике, четырехэтажное здание которой напоминало тюрьму. Да и строилось это здание, видимо, в прошлые века как тюрьма для рабочих, не хватало только колючей проволоки и охранников с автоматами.

Радость от знакомства с новой подругой быстро прошла, Марине стало откровенно скучно с Ниной, своим занудством и практичным отношением к жизни она часто раздражала Марину. Да и кому интересно знать практическое устройство мира, если нет возможности на это устройство повлиять?

Марина сильно скучала по Ленке, ей не хватало близкой подруги, ее взрывной энергии, их детских разговоров по душам. Ведь они всегда были, как сестры, доверяли друг другу и печали, и радости.

В начале сентября выяснилось, что Лена не прошла в институт по конкурсу, но возвращаться к прежней жизни она не собирается.

Она давно не жила в общежитии и забегала лишь изредка, освещая, как лучом света, угрюмые стены казенного дома. Ленка становилась все красивее, роскошнее и гламурнее, она как будто бы расцветала, избавившись от давящей ее сиротской обстановки. Все реже она теперь звонила, еще реже приезжала в гости.

Сейчас ей снял квартиру какой-то ухажер из киношников, Лена осваивалась в новом мире, полном красивых соблаз-

нов, и, казалось, начала забывать и о Марине, и о своей первой юношеской любви.

Глава 16. Случайная встреча

Наступила поздняя осень. Питер в эту пору стал сырым, слякотным и неудобным. С голых деревьев давно облетели все листочки, дни становились все короче, небо хмурилось и раздраженно поливало жителей города гадким морозящим дождиком. А по ночам уже начались заморозки, и тротуары поутру напоминали ледяной каток.

Однажды Марина пошла в магазин, сегодня была ее очередь. Они с Ниной делили все хозяйственные хлопоты поровну, и заранее договаривались, кто пойдет в магазин, а кто будет готовить еду.

Выйдя из магазина и ступив на тротуар, Марина неловко поскользнулась на образовавшемся гололеде, и, пытаясь удержать в руках пакет с купленными яйцами, чуть было не упала. Кто-то заботливо поддержал ее за локоть.

Подняв глаза, она в изумлении увидела такие знакомые и такие красивые васильковые глаза.

– Володя?! – Марина сильно удивилась, как будто бы увидела кого-то из прошлой жизни.

Очень интересно, что может делать избалованный сын питерской интеллигенции в их рабочих краях.

– Мариночка, привет! Не ожидала меня встретить? – с чарующей улыбкой спросил он.

Казалось, он очень рад увидеть ее после тех долгих меся-

цев, когда наверняка даже не вспоминал о ее существовании.

Он был так красив, что у нее куда-то вверх подпрыгнуло сердце, а в животе запорхали бабочки, о которых раньше она лишь читала в романах.

Маринкины глаза восторженно распахнулись, выражая щенячью радость от случайной встречи. Она глупо улыбалась в ответ на его улыбку, и не могла вымолвить ни слова.

Разговор не клеился – они просто стояли и смотрели друг на друга.

Марине показалось, что их встречу организовал кто-то свыше, тот, кто знает о самых тайных, самых сокровенных ее желаниях. Может быть, она ждала этого момента всю свою жизнь.

И вот, наконец, момент наступил, а она молчит, как последняя дура.

– Как там Лена? – прервав затянувшееся молчание, сухо, как-то нехотя, спросил Владимир.

– Скучает, – односложно ответила Марина.

Меньше всего на свете ей хотелось излагать подробности личной жизни подруги. Ленка ударилась во все тяжкие – меняла ухажеров, как перчатки, ходила по дискотекам и ночным барам, подрабатывала случайными ролями в массовке. Она не расставалась со своей мечтой стать кинозвездой и готовилась к поступлению в следующем году.

– Куда ты идешь? – спросил Володя. – Можно тебя проводить?

– Конечно, можно! – засмеялась Марина, – я теперь живу в другом месте, в другом общежитии. Пойдем, ты сам все увидишь!

Он забрал у нее пакет с хлебом и яйцами, и взял ее под руку.

Никогда, даже в самых смелых своих мечтах, Марина представить не могла, что Владимир, такой красавец, идеальный кавалер, обратит внимание на нее – невзрачную, некрасивую, простую фабричную работницу.

Он воплощал для нее все, что может женщину притягивать в мужчине. Высокий, умный, красивый, сильный и веселый – мечта любой девушки. Она никогда не забывала о нем. Смешно было даже думать, что такая замухрышка может его заинтересовать. Да и куда ей было тягаться с подругой-красавицей!

Проводив ее до общежития и нежно взяв за руку, Володя спросил, смогут ли они увидеться в следующую субботу. От неожиданности у Марины замерло сердце. Она не верила своему счастью.

– Конечно! – радостно ответила она. Ее душа просто пела.

Она влетела в комнату и схватила на руки любимую куклу.

– Лизка! Ты представляешь – мечты сбываются!

Ей показалось, что Лиза недоуменно и недоверчиво на нее посмотрела.

Глава 17. Тайные свидания

В следующую субботу Володя ждал ее возле общежития, и они пошли в Эрмитаж.

Они ходили, держась за руки, и Марина вся таяла от внезапно свалившегося на нее ощущения счастья. Вот если бы так всю жизнь – держать друг друга за руки, и никогда не отпускать.

Она первый раз была в Эрмитаже – даже не представляла, насколько он величественный. Висевшие на стенах великолепные старинные картины внушали священный трепет перед грандиозной силой искусства.

Володя рассказал ей популярную байку – как различать полотна великих мастеров.

– Марина, если ты видишь на картине темный фон и всяческие страдания на лицах – это картина Тициана. Если ты видишь мужчин, похожих на волооких кучерявых баб, то это, безусловно, Караваджо. У Рубенса – даже у мужчин огромные попы и целлюлит. Если на картине много маленьких людишек – это Брейгель. Если много маленьких людишек и маленькой непонятной ерунды – это Босх. Красиво, все голые и фигуры, как у культуристов, – это Микеланджело.

У Дега всегда изображены балерины, у Эль Греко – тощие бородатые лица. Если на картине много ярких красок – это

Ван Гог. Моне – это пятна. Мане – это люди!

Марина долго смеялась:

– Володя, откуда у тебя такие познания в области искусства?

– Моя мама – великий общественный деятель, она знает всех знаменитых художников мира сего. Многие мастера еще с прошлого века и до сих пор завещают ей свои картины, – совершенно серьезно сказал он.

– Вот несколько в этом не сомневаюсь! Я восхищаюсь твоей мамой, – сказала Марина. – Она такая красивая, интеллигентная и возвышенная!

– Да, а ты тоже интеллигентная и образованная. Думаю, вы быстро найдете общий язык, – ласково глядя на нее, сказал Володя.

– Ты думаешь, это возможно? – Марина недоверчиво на него посмотрела.

– Это трудно, но возможно. Если хочешь сделать маме приятное, глядя на картину в нашем доме, произнеси фразу:

– О, это же он! – и она сама дополнит, рассказав историю создания полотна и биографию художника. После чего она будет считать тебя великим ценителем настоящего искусства.

– Володя, хватит! – взмолилась Марина, – у меня от смеха уже колики в животе начались!

За несколько недель они обошли почти все музеи и галереи Питера.

С Володей можно было говорить обо всем на свете – об искусстве, о литературе, о поэзии. Он знал множество интересных историй, говорил на нескольких языках.

– Вот что значит – учиться в Академии! – сказала Марина, восхищенно на него глядя.

– Конечно, в профтехучилище такому не научат, – шутливым тоном поддел он ее.

После встречи Володя провожал Марину, немного не доходя до ворот общежития. Не сговариваясь друг с другом, они оба старались, чтобы никто не увидел их вместе.

Да и как было рассказать Лене, что они с Володей тайно встречаются?

Марина не могла нанести такой удар подруге, с которой вместе выросла. Она старалась как можно дольше оттягивать тяжелый разговор, понимая, что Лена вряд ли сумеет вынести такое тяжелое известие.

Вечером в воскресенье Лена забежала в гости, и тут же начала хвастать, как у нее все замечательно.

Сегодня она была необыкновенно хороша в шубке из кролика, локоны ее роскошных волос обвивались вокруг беленького мехового капюшона, отсвечивая красивыми блестками под светом обычной желтой лампы. Казалось, что это неземное создание совсем из другого мира, и только какая-то нелепая случайность занесла ее в это забытое Богом обшарпанное фабричное общежитие.

– Ну, а как у тебя, дорогая подруга? Всё сидишь под оде-

ялом? – изволила Лена поинтересоваться, когда ворох новостей об артистах кино и телезвездах наконец иссяк.

– Лена, присядь, пожалуйста, – тихо сказала Марина. – Я должна тебе кое-что рассказать.

Она всё никак не могла решиться разрушить хрупкий и воздушный мир подруги, уверенной в своей красоте и неотразимости, и в том, что она живет в волшебном мире из звезд и аплодисментов любящей публики.

Услышав правду о ее отношениях с Володей, Лена несколько минут молчала, стиснув зубы. Осознав, наконец, что она только что услышала, она тут же гневно набросилась на Марину:

– Да как ты могла?! Это же удар ниже пояса! Никогда ничего подобного от тебя не ожидала!

Марина молчала.

– Значит, я для них не была достаточно хороша – ПТУшница, не умею вести себя за столом, – снова взвилась Лена.

– А тебя они, значит, признали?

– Нет, не признали, – тихо ответила Марина, – мы стараемся, чтобы никто не узнал о том, что мы встречаемся.

– Дура! – взорвалась Ленка. – Я тебе говорила – поматросит и бросит! Какое тебя ждет будущее? Он никогда на тебе не женится.

– А я и не думаю об этом, – тихо ответила Марина, – я просто люблю его.

– И?! – Ленка посмотрела на нее, как удав на кролика.

– И всё. – Добавила Марина.

У Ленки началась настоящая истерика:

– Вот почему одним все, а другим ничего? Вот скажи мне, что он в тебе нашел? – повторяла и повторяла она, размазывая слезы по наруганным щекам. Тушь потекла, оставляя черные бороздки на красивом личике подруги.

– Да за мной сейчас такие мужчины ухаживают, что Володя к ним в подметки не годится! – рыдания перемежались у нее с негодованием и злостью.

Марина не мешала ей рыдать и картинно заламывать руки. Когда безудержные рыдания сошли на нет, Лена снова разозлилась и начала осыпать Марину ругательствами.

– Монашка чертова! Скромница! Чужого мужчину увела! Притворщица! Обманщица!

Марина виновато молчала. Она понимала, что у Лены истерика, сейчас подруга во всех своих бедах обвиняет только ее, и не знала, чем можно искупить свою вину. Она чувствовала себя гадкой предательницей.

Глава 18. День рождения

После объяснения между подругами Лена не звонила несколько месяцев. Марина сильно переживала, что невольно нанесла любимой подруге душевную рану, но все равно первой звонить не хотела.

Шло время, в Петербург пришла снежная, с бурями и метелями, настоящая северная зима, с полярным сиянием и морозной погодой. Вся столица готовилась к встрече нового года.

В магазинах царило настоящее столпотворение – казалось, что люди целый год отказывали себе во всем, а сейчас подчистую сметали все съестное с полок магазинов. Прилавки и в другое время не особенно страдали от продуктовых излишков, а сейчас оказались совсем пустыми.

Толпы народа стояли в очередях в отделах с подарками, сувенирами, игрушками.

Марина подумала, что у каждого из этих людей десятки родных, друзей, коллег, которым нужно купить подарки и непременно поздравить с праздником. Вероятно, продавцы в этот период очередного ежегодного и всеобщего сумасшествия зарабатывали столько, сколько за весь прошедший год.

Володя предупредил Марину, что отмечать встречу нового года будет со своей семьей, нельзя оставлять родителей в одиночестве в самый главный праздник года.

– Конечно, – подумала Марина. – У каждого есть семья, только у меня ее нет.

Ближе к десяти вечера Марина с Ниной сели за стол, собираясь отметить встречу нового года и послушать видеообращение Президента.

Нина, мастер кулинарии и поборник здорового питания, кроме традиционного оливье, селедки под шубой и «цезаря», соорудила фирменный салат из рукколы, нарезала тоненькими прозрачными кружочками сырокопченой колбасы и сыра.

Она только собралась открыть бутылку с традиционным советским шампанским, как дверь распахнулась, и на пороге возникла Лена – воплощенный символ красоты и молодости. Лена сияла своей фирменной белозубой улыбкой и выглядела, как кинозвезда. Лена нежно обняла Марину, тепло поздоровалась с Ниной, и начала выгружать на стол подарки – французское шампанское, кофе в зернах, коробку дорогих швейцарских конфет, колбасу салями в фирменной упаковке.

Марина от счастья не знала, что делать, и куда посадить столь долгожданную и дорогую гостью. Отмечать наступающий новый год Лена собиралась со своими новыми приятелями, но и с вновь обретенной подругой расставаться не хотела. Она взяла командование на себя, и решительным тоном приказала:

– Маринка, собирайся, под окнами ждет такси – поедем

со мной!

– Леночка, спасибо, конечно, но что я, по-твоему, Нину одну оставлю и уеду? – ответила Марина, огорчившись, что подруга опять на нее обидится.

– Ну, конечно, вам тут вдвоем весело, небось и забыли обо мне совсем, – обиженным голосом сказала Лена.

Но через пару минут она объявила:

– Ну и ладно, не хотите – как хотите! Сейчас схожу к подъезду отпустить такси, сядем все вместе, и выпьем за Новый год! Зря, что ли, я столько продуктов привезла?

После второй выпитой бутылки шампанского девочки развеселились и начали болтать безудержно, Лена была в ударе. Она рассказывала анекдоты и сыпала афоризмами, залиvisto смеялась и заражала всех своим весельем.

Время пролетело как один миг. В полночь они дружно подняли бокалы, попрощались со старым годом и поприветствовали новый.

Марина налила чай в недавно купленные красивые чашки с золотистым ободком и открыла коробку с конфетами, принесенную Леной.

С момента объяснения подруг прошел уже целый год, давно пора забыть о размолвке. Казалось, что сегодня лед между ними окончательно растаял, а Лена со временем начала привыкать к тому, что Владимир относится к Марине серьезно, и не собирается с ней расставаться.

– Ты не думай, я завидую тебе белой завистью, – сказала

она, – ты же знаешь, как сильно я тебя люблю!

– Я тебя тоже очень люблю, – у Марины на глазах выступили слезы, больше всего на свете она хотела, чтобы вернулись старые добрые времена и их детская верная дружба.

– Девочки, а чем белая зависть отличается от черной? – вмешалась в разговор Нина.

Лена отмахнулась от нее и засмеялась:

– Нина, ты слишком умная, мужчины таких не любят.

– Да я и не прошу, чтобы меня любили, – обиженно фыркнула Нина, и вышла из комнаты, оставив подружек наедине.

С этого дня Лена стала заезжать чаще, привнося в маленькую неказистую комнатку запах французских духов и морозную свежесть. Она многому научилась, вела себя теперь как девушка из высшего общества, прямо держала спину, манерно смеялась, не забывая красиво откидывать роскошные волосы с лица и взбивать красиво постриженную челку.

Ее нынешняя компания была неиссякаемым источником веселых и смешных рассказов и сплетен, она умела рассказывать истории в лицах так, что все кругом умирали со смеху.

– Лена, в тебе умерла великая актриса! Величайшая! – восхищенно сказала Марина после серии изображенных подругой красивых сценок из жизни.

– Ничего она не умерла! Жила, живет, и будет жить вечно! – засмеялась Лена, и тепло обняла подругу.

Зима быстро закончилась, а в марте Лена, заехав в гости,

заявила:

– Ладно, подруга, не захотела новый год с нами встречать – будем вместе отмечать твой день рождения. Весной тебе уже исполнится двадцать, совсем ты у меня, старушка, взрослая стала. Юбилей!

– Да ладно, какой юбилей? У меня и в мыслях не было ничего отмечать, – пробовала возразить Марина. – Да и какой это праздник – день рождения?

Но Лена была непреклонна:

– Не спорь, возражения не принимаются. Два десятка – это юбилей, и отметим мы его как положено.

Она вызвалась подготовить настоящий праздник для любимой подруги.

– Хватит сидеть взаперти, мы пойдем в пафосное место. Будем танцевать, веселиться, напьемся в стельку – пусть это будет настоящее торжество!

Марина никогда не умела ей отказывать, в конце концов, она согласилась. И Лена начала длительную подготовку к празднованию дня рождения.

Она даже раздобыла где-то деньги на ресторан в центре города, и сначала собиралась позвать всех своих новых друзей, чтобы познакомить с ними Марину.

Марина не отказывалась познакомиться с друзьями, но совершенно не хотела шумного веселья и пьяных гостей.

– Леночка, может быть, что-нибудь попроще придумаем?

– Да, ты права, – сказала Лена, – ну их к черту, пьянчуг

и халявщиков. Если вам честно признаться, никого там толкового нет.

После недолгих размышлений она воскликнула:

– Знаешь, в мою голову пришла отличная идея!

Марина приготовилась внимательно слушать.

– Зачем нам люди, которых ты не знаешь? Не хочешь шумного праздника – не надо! Давай позовем наших старых друзей – Володю и Марата. Я думаю, они не откажутся прийти – ведь это всего лишь на пару часиков. Я слышала, Марата в следующем году переводят служить куда-то в далекий округ после окончания учебы, а с Володей пока неясно.

– А тебе не будет неприятно смотреть на нас с Володей? – смущенно спросила Марина.

Она переживала – вспылчивая Ленка, не умеющая сдерживать свои чувства, могла устроить скандал.

– Да не волнуйся ты так, – успокоила ее подруга. – Что было, то давно прошло! Он меня совершенно не интересует – просто старый друг, светлое юношеское воспоминание!

Казалось, что она и правда забыла о своих былых страданиях, и искренне хочет дружить и с Мариной, и с Володей.

Выбрали ресторан «Палкинъ», старейший из питерских хороших заведений, легендарный ресторан настоящей высокой кухни. Марина возражала, говорила, что это нескромно, но спорить с Леной было бесполезно.

В назначенное время все четверо собрались перед входом в ресторан. Лена мило поздоровалась с Володей и по-друже-

ски чмокнула его в щеку.

Зал был наряжен торжественно, на столах, накрытых белыми накрахмаленными скатертями, искрились высокие бокалы и топорщились высокими треугольничками белоснежные салфетки, убранство столов дополняли вазочки с искусственными цветами. На потолке ярко горела трехъярусная хрустальная люстра, а окна с бархатными занавесками красиво подсвечивались изнутри темно-синим насыщенным светом.

Официант провел их вглубь и предложил присаживаться за столик на четверых, расположенный в уютном уголке. Посетителей почти не было – лишь пара молодоженов и компания бизнесменов, громко обсуждающих какой-то свой бизнес-проект.

Когда прозвучали все тосты за любовь, за дружбу, за мир во всем мире, и подали десерт, Лена со смешком обратилась к Марине:

– А помнишь, как тебя чуть было за кражу из училища не выгнали?

Марина густо покраснела.

– Что за история? – живо заинтересовался Володя. – Расскажите мне!

– Да, ерунда, детские шалости. У девочки пропали деньги, и Марина созналась в краже. Ее чуть было не выперли, но я вовремя за нее заступилась перед директором! Не могла же я бросить в беде любимую подругу, – затараторила Ленка.

У Марины совершенно пропал аппетит. Сначала она жутко обиделась, но потом вспомнила, что увела у подруги любимого человека, а это пострашнее, чем какие-то старые и мелкие детские обиды.

Ну, разве можно винить Лену в том, что в ней проснулась оскорбленная гордость и взыграло уязвленное самолюбие?

Марина помрачнела, но постаралась никому не показать свою обиду, чтобы не испортить праздник остальным.

Где-то далеко проскочила мысль, что с такими друзьями и врагов не надо, но тут же исчезла, не оставив и следа.

Ужин долго не заканчивался, Лена трещала, как сорока, и никак не хотела расставаться с друзьями. Марина же втайне надеялась, что побудет вдвоем с Володей, и он проводит ее домой.

– Такой чудесный праздник! – заливалась Ленка соловьем, – я не хочу, чтобы он заканчивался.

Володя как будто бы догадался, что Марина чувствует себя некомфортно. Ей неуютно в большом роскошном зале.

Он рассчитался с официантом, не приняв предложенной помощи от Лены, и они наконец-то вышли на улицу.

Солнце давно уже скрылось за горизонтом, и наступил прохладный весенний питерский вечер. Всею компанией они прошли по Невскому проспекту, дошли до автобусной остановки. На глаза попала вывеска грузинского ресторанчика.

– Давайте зайдём в это кафе, пропустим ещё по стаканчи-

ку? – предложила Лена. – У меня там знакомый работает!

Кафе располагалось за металлической решеткой, чтобы попасть внутрь, нужно было набрать номер.

– Лена, может, хватит? – спросил Марат, – и так хорошо посидели. Нам с Володей завтра на занятия.

– Да мы ненадолго, – пообещала Лена, и нажала кнопку вызова.

Решетка открылась, Лена вошла, заставив остальных невольно следовать за ней. Возражать было уже поздно.

– Прекрасная Елена! – вдруг раздался в глубине кафе радостный возглас.

Красавец-мужчина с черными угольными глазами подошел к ним и обнял Лену, как свою собственность. Не отрываясь, он смотрел на Ленкину грудь, и, кажется, ничего вокруг больше не замечал.

Ленка немного отстранилась от него и сказала друзьям:

– А это сам хозяин кафе Зураб, он грузин, познакомьтесь, ребята.

Потом она снова повернулась к красавцу и сказала:

– Познакомься, Зураб, это мои друзья.

Володя и Марат пожали руки красавцу. Зураб тут же пожаловался молодым людям:

– А я предлагаю ей замуж за меня выйти, а она, чертовка, не соглашается ни в какую. Думает, лучше меня найдет, миллионера! Я ничего не говорю, такой красавице не подойдет мелкий лавочник, ей нужен дворец и бриллианты!

Ленка ласково его обняла:

– Не обижайся, Зурабчик. И ты когда-нибудь разбогатеешь! Вот тогда и поговорим!

Вдоволь наобнимавшись с черноглазым мачо на глазах у друзей, Лена по-хозяйски приказала:

– Принеси нам что-нибудь выпить, Зураб.

– Что хочешь, малышка! – он облизнулся, глядя на нее влюбленными масляными глазами, – все за счет заведения. Вы для меня – самые дорогие гости!

Марине показалось, что на лице Володи промелькнула чуть заметная тень.

Что это было – ревность, зависть, сожаление? Мужчины часто сами не замечали, как невольню и молниеносно становились жертвами Ленкиных игр.

– Марина, что ты будешь? – спросила Лена подругу, сильно уставшую и хотевшую одного – поскорее очутиться в родных стенах общежития.

– Ничего, – ответила Марина.

Ей было плохо, почему-то сильно колотилось сердце, подташнивало. Сейчас бы только прислонить свою спину и уложить задницу на уютную кровать, и больше ничего от жизни не надо.

– Да что ты за человек такой?! – возмутилась подруга, – ни выпить, ни закусить по-человечески. Гуляй, пока молодая! Веселись!

Марине было нехорошо – главным образом от того, что

она не может высказать свою обиду и горечь.

Да как вообще Лена могла рассказать старую гадкую историю, в которой Марина, к тому же, нисколько не виновата? Это совершенно неправильно – пытаться обсуждать ее с Володей.

Но и потерять единственную подругу, так старавшуюся организовать для нее настоящий праздник, Марине тоже не хотелось. Не стоит обострять отношения.

– Буду терпеть, – решила она.

Глядя на заигрывания неутомной Лены с Зурабом, Марина про себя подумала:

– Могла бы вести себя поскромнее. Не зря Володина мама сказала Ленке, что на таких, как она, не женятся.

И горько усмехнулась:

– Как будто бы на таких, как я, женятся.

Глава 19. Белые ночи

Марина долго и мучительно переживала после дня рождения, в голове роились навязчивые мысли, не дающие ей покоя ни днем, ни ночью. То ей казалось, что Володя поверил Ленке, и она не знала, как оправдываться за то, чего никогда не делала. А то казалось, что он уже хорошо успел узнать Марину, и не поверил злomu наговору.

Во всяком случае, сам Володя речь о той краже в училище никогда не заводил, Марина тоже в конце концов перестала об этом думать и решила ничего не говорить подруге. Пусть их дружба не будет омрачена обидами и недоверием.

Наступило лето, Марат завел себе девушку, и компанию друзей не поддерживал.

Лену молоденький курсант военной академии заинтересовать не мог, у нее женихи были попривлекательнее и статусом повыше. Да и относился к ней Марат просто, как к близкой подруге.

Само собой получилось, что в выходные, когда Володя мог вырваться из академии на пару часов, у Лены тоже выдавалось свободное время, и по Питеру они часто гуляли втроем.

Летом Санкт-Петербург радовал жителей ярким солнцем и ясным небом, дожди если и случались, то начинались неожиданно для всех, и так же внезапно и быстро заканчи-

вались. Величественный город никогда не оставлял Марину равнодушной. Володя любил его по праву рождения, она же полюбила Санкт-Петербург, узнавая его каждый раз вновь и вновь. Торжественный и грандиозный город вызывал у Марины множество радостных эмоций, он казался ей настоящим, живым, он кипел энергией и заряжал ею всех вокруг.

Они любили все вместе пройтись по Набережной Невы, заглянуть на стрелку Васильевского острова, прогуляться до Петропавловской крепости и вернуться обратно по Троицкому мосту. Гулять по излюбленному маршруту исторической застройки можно было бесконечно, каждый раз открывая новый город – то не замеченную ранее скульптуру, то деталь на особняке, то не увиденные ранее цветущие чудесные розы в прекрасных садах. Ажурные ворота въездов, изящные мостики, соединяющие острова, – все впечатляло старинной эстетикой. На каждом шагу хотелось задержаться, насладиться чудесным видом и пригревающим солнечным светом.

Впрочем, в любую погоду город казался Марине приветливым и солнечным. Атмосфера нарядного праздника с шумными толпами туристов вдохновляла и радовала. Неважно, что она нигде еще не была, лучше Питера нет ни одного города в мире.

Они с Володей любили город, а город любил их. Здесь можно было гулять, держась за руки, уйти от центра и свернуть в сторону от оживленных улиц, а потом неожиданно

оказаться снова в центре.

Ничего не было лучше, чем вдвоем сидеть на шумном проспекте и пить кофе в маленьком кафе, обойдя по пути множество пекарен, кондитерских и пышечных. В каждом из этих заведений просматривалось свое неповторимое лицо, своя кухня и свои неповторимые рецепты. Иногда Марине после изучения меню хотелось всех пирожных разом, и казалось, что сделать выбор невозможно. Неизменно она останавливалась на капучино, подаваемом в небольших чашечках, с небольшим пирожным, и снова и снова наслаждалась изысканным вкусом любимого напитка.

Иногда они заглядывали в пафосные и красивые рестораны с высокой кухней, а однажды даже пообедали у Гоголя.

Они поднялись на смотровую площадку Исаакиевского собора, посмотрев на город сверху, и опять удивившись его величию. Внизу Володя показал Марине следы на колоннах от попадания снарядов во время военной блокады. Город нещадно обстреливали, он страдал от бомбежек. Марина узнала от Володи, что фашисты во время Великой Отечественной нещадно обстреливали Ленинград, а всего было выпущено сто сорок восемь тысяч четыреста семьдесят восемь снарядов. Страшные следы напоминали о войне.

Но великий город выжил, победил, и восстал из руин и пепла, став еще красивее и величественнее, чудеснее и любимее.

Володя обладал энциклопедическими знаниями, которые

бережно хранила его память, и был переполнен гордостью за город-герой и живущих в нем своих земляков..

– Наши прадеды боролись за то, чтобы мы были счастливы сегодня, – сказал Володя, – и я считаю, что это очень правильно – жить цельную, настоящую жизнь.

– До нас здесь жили великие люди. Пушкин и Гоголь, Ахматова и Маяковский, Бродский и Виктор Цой, поэты и музыканты черпали свое вдохновение в Санкт-Петербурге, любовались уникальной архитектурой и водами Невы, разводными мостами и речными катерами, бороздившими Фонтанку.

Марина только удивлялась его уму и эрудиции, они с Володей наслаждались каждым проведенным вместе солнечным днем.

Прожив все свое детство и юность в детском доме, Марина не могла нарадоваться вновь обретенной свободе – возможности ходить, куда захочешь, смотреть все, что захочешь, делать все, что вздумается.

К сожалению, у Володи такой свободы не было. Он не мог оставаться с ней надолго – вечером нужно было вернуться в казарму, чтобы успеть до отбоя.

Часто Марина, проведив его до автобусной остановки, оставалась на улице и бродила по городу одна, все еще ощущая его запах, наслаждаясь своей любовью.

Она улыбалась счастливой улыбкой прохожим, а они в ответ улыбались ей. Она чувствовала себя птицей, готовой

взлететь на крыльях своей любви, и готова была делиться со всем миром своей радостью.

Казалось, что и птицы вокруг пели, усиливая магию белых ночей Петербурга, и как будто хотели сказать ей:

– Жизнь прекрасна и удивительна!

Но лето с его белыми ночами, уличными феерическими шоу и колоритными поющими и танцующими музыкантами, быстро закончилось, и наступило питерское промозглое, слякотное межсезонье.

На фабрике было очень холодно – цех не отапливался, а температура в помещении едва достигала десяти градусов. Марина ходила в старых валенках и меховой душегрейке, чувствуя себя плохо одетой некрасивой старухой.

На работе она старалась как можно больше двигаться, без труда выполняла дневную норму выработки, и быстро, без всякого своего желания, выбилась в передовики производства.

В общежитии тоже еще не топили, согревала одна только мысль о предстоящем свидании с Володей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.